

**Елена ПЕТРОВА
Юрий КРУЖНОВ**

**«СИНИЙ ПЛАТОЧЕК»
ЛЕЙТЕНАНТА
МАКСИМОВА**

(2-е, дополненное издание)

С.-Петербург 2017

ББК 85.314(2Рос=Рус)85.364.1
Щ 85

Ю. Н. Кружнов, Е. М. Петрова.

«СИНИЙ ПЛАТОЧЕК» ЛЕЙТЕНАНТА МАКСИМОВА.

106 с., илл. 2-е, дополненное издание.

В книге рассказывается о Михаиле Максимове, авторе слов к легендарной песне Великой Отечественной войны – «Синий платочек». Несколько десятилетий имя Максимова пребывает в тени, и в памяти трёх поколений он остаётся «поэтом одного стихотворения». Между тем, «лейтенант Максимов» был личностью незаурядной, многогранной, во многом необыкновенной. Читателю, наконец, предлагаются не домыслы и небылицы, коих много ходит об этом остающемся загадкой человеке, но сведения самые достоверные, основанные на документах и личных воспоминаниях. Ведь одним из авторов книги является дочь Максимова – Елена Михайловна Петрова.

Отпечатано в типографии «СБОРКА»
С.-Петербург, Обводный канал, 64, корп. 2, офис 29.
E-mail: info@sborka.spb.ru

© Ю. Н. Кружнов, текст, илл., обл.

© Е. М. Петрова-Максимова, текст, илл.

© Типография «Сборка»

Лейтенант М. Максимов. 1942 год

Из эпохи Великой Отечественной многое собираешь уже по крупицам. Но вдруг оказывается, что военное время – совсем рядом и буквально вплелось в нашу жизнь. «Эхо войны» и спустя десятилетия слышно бывает вполне явно. Сколько ещё фактов скрыто обстоятельствами или людьми, сколько ещё обстоятельств тех лет вызывает вопросы за вопросами. А сколько скрыто пеленой фальсификаций или затемнено бытовыми легендами...

Вот, казалось бы, известная всем история знаменитой песни военной поры «Синий платочек», которую даже спустя семьдесят пять лет после её написания знает почти каждый в России (да не только в России). Знают и люди среднего поколения, и поколение юное, даже школьники. Откуда и как? – непонятно. Но убеждался я в этом не раз. Немало строк посвящено этой песне. История её, можно сказать, «обсосана» в научных книгах, в различных статьях, в военных мемуарах. Ещё больше написано об исполнении песни Клавдией Шульженко и о том, как родился «военный» «Синий платочек» в далёком 1942-м, как песня приобрела небывалую популярность во время Великой Отечественной (об этом писала не раз и сама Шульженко). А сегодня песня приобрела значение символа военных лет, наряду с георгиевской ленточкой. Одна из современных энциклопедий называет песню «лирическим гимном» военного времени.

И всё же один пробел в истории песни до сих пор остаётся, и почему-то он мало беспокоит исследователей... Чтобы было понятно, что я имею в виду, прежде скажу два слова о самой песне.

Мелодия «Синего платочка» родилась в 1940 году. Автор её – польский композитор Ежи Петербургский (Jerzy Petersburski). Это был незамысловатый эстрадный вальсок без слов. Написан и впервые исполнен этот вальс был в СССР. Почему в СССР? В 1939 году польский эстрадный оркестр Ежи Петербургского и Хенрика Голда выступал в польском городе Белостоке. Это совпало с началом Второй мировой войны. После сентябрьских

событий на театре военных действий и произошедшего раздела территории Польши между Германией, Словакией, СССР и Литвой, Белосток отошёл к республике Белоруссия в составе СССР. Оркестр Петербургского-Голда оказался по факту белорусским оркестром. Уезжать из спокойного Белостока на родину, оккупированную немцами, было опасно. Ежи Петербургский остался в Белостоке и в конце 1939 года возглавил Белорусский республиканский джаз-оркестр.

В 1940 году оркестр давал концерты в Минске. Здесь-то, в гостинице «Беларусь» и был написан Петербургским вальс, который оркестр тут же включил в репертуар. Вальс очень полюбился слушателям. Вскоре оркестр приехал на гастроли в Москву. На одном из концертов побывал известный в то время советский поэт, сценарист, драматург Куба (Яков) Галицкий. Ему так понравился исполненный в концерте вальс, что он набросал слова к нему и показал Петербургскому. Два дня спустя солист оркестра Станислав Ляндау исполнил вальс со словами Галицкого. Назывался вальс «Синий платочек».

Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч,
Ты говорила, что не забудешь
Ласковых, радостных встреч.
Порой ночной
Ты распрощалась со мной,
Нет прежних ночек,
Где ты, платочек?
Милый, желанный, родной?
Кончилась зимняя стужа,
Даль голубая ясна.
Солнцем согрето, верится в лето,
Сердце ласкает весна.
И вновь весной,
Под знакомой тенистой сосной
Мелькнёт, как цветочек,
Синий платочек,
Милый, желанный, родной.

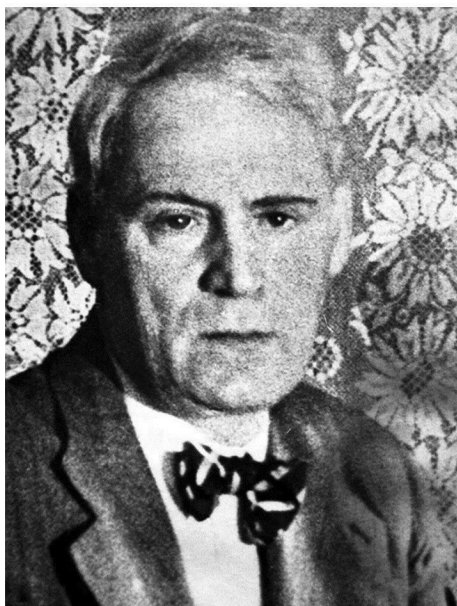
Песня понравилась и музыкантам, и публике. Её вскоре включили в свой репертуар известные советские артисты, среди них – Надежда Юровская, Изабелла Юрьева, Лидия Русланова. В 1940 году эти три певицы записали песню на грампластинки. Первой была Юровская, второй – Юрьева.

Однако нам песня известна не с этим текстом. Не он сделал её сверх-популярной и не с ним она стала позже символом Великой Отечественной. Новые слова, благодаря которым песня получила всенародную известность и которую мы знаем как легендарный «Синий платочек», написал некий «лейтенант М. Максимов». И вот загадка – если о Якове Галицком мы легко находим сведения в справочниках, воспоминаниях, то о лейтенанте М. Максимове мы не найдём практически ничего. Везде только одна строчка – «Слова лейтенанта М. Максимова».

Вот это и есть та нераскрытая тайна в истории песни, тот пробел, о которой я говорю. Я давно занимаюсь песнями Великой Отечественной, и история «Синего платочка» была мне, конечно, давно и хорошо известна. Много можно прочесть и о легендарной исполнительнице песни – Клавдии Шульженко, и о композиторе Ежи Петерсбургском. Но почти ничего – об авторе легендарных слов, благодаря которым песня и стал знаменита. В течение нескольких лет я пытался узнать, кто же такой был этот «лейтенант М. Максимов», какова была его судьба. Но мои поиски давали очень слабые результаты. В книге воспоминаний Клавдии Ивановны Шульженко «Когда вы спросите меня» (1981 год) певица рассказывает, как во время одного из концертов на Волховском фронте в начале 1942 года она попросила присутствовавшего там военного корреспондента Максимова написать новые слова к старому мелодичному вальсочку «Синий платочек» – тот вальс часто просили исполнить бойцы. Еще я вычитал как-то в опубликованном военном дневнике однополчанина Максимова – писателя Александра Бартэна – как его друг за одну ночь написал слова. Песня с ними почти мгновенно разошлась по всем фронтам в списках, в нотных открытках, в грампластинках (как раз в 1942-м было

Ежи Петербургский

Яков Галицкий

возобновлено их производство в Москве, на Апрелевском заводе). В воспоминаниях Бартэна приводился и краткий рассказ самого Михаила Максимова о том, как он создавал песню. Вот, пожалуй, то небольшое, что я смог найти об авторе слов известнейшей песни...

И вдруг, надо же – явился (по слову Стендаля) «Господин Великий Случай»...

2.

Несколько лет назад в Российскую национальную библиотеку (где я много лет служу) пришёл запрос из Болгарии, точнее – вопрос: нет ли в наших музыкальных фондах первого издания открытки 1943 года с песней «Синий платочек»? Открытку эту военную я знал. Она появилась в начале 1943-го, вскоре после выхода документального фильма Ю. Слущкого «Концерт – фронту» (ноябрь 1942-го), в котором Клавдия Шульженко впервые исполнила песню «Синий платочек» со словами лейтенанта М. Максимова. Но на открытке не было ни нот песни, ни портрета Шульженко. Только «дежурная» картинка – девушка в платочке – и текст. А ниже скупая подпись: «Максимов». Даже без инициалов. Эта открытка – уже давно раритет, она мало в каких семьях или у каких коллекционеров сохранилась. У нас в нотном фонде её тоже не было. Но поскольку я интересовался также историей нотной открытки, у меня имелось изображение раритета 1943 года, и я отослал его в Болгарию.

В сопроводительном письме, я, естественно, спросил у приславшей запрос женщины – а звали её Елена Михайловна Петрова, она была человеком довоенного поколения и уже много лет жила в Болгарии – так вот, я спросил у Елены Михайловны, откуда у неё интерес к этой песне? «Если помните, – отвечала она, – слова к этому вальсу написал лейтенант Михаил Максимов. Так вот это мой отец».

В такие моменты обычно восклицают «Ах!» И я (мысленно, конечно) не удержался. Вот так удача! Я в ответ написал Елене Михайловне о своих бесплодных

разысканиях по поводу личности её отца и про свой интерес к песням Отечественной. Мы начали электронную переписку и вскоре очень подружились. Стали общаться по телефону, подключили скайп. Елена Михайловна поведала мне о многих интересных фактах из жизни отца, прислала его фотографии, письма. Он оказался личностью неординарной, и чем дальше, тем больше открывался мне в этом качестве. Елена Михайловна через Интернет и связи здесь, в Питере, нашла людей, которые знали её папу, завела с ними переписку. Всем этим она делилась со мной, и я тоже наладил контакт с этими людьми. И тут – чего уж никак не ожидал – оказалось, что в этой истории каким-то чудом замешан и я! История «Синего платочка» оказалась косвенно связанной и с моей судьбой и, очевидно, завершилась (или завершается) на этих вот страницах, в этих вот строках!

Стало ясно, что написать о Михаиле Максимове мне просто необходимо. Без рассказа о нём история знаменитой песни останется неполной. Но – по порядку.

3.

Елена Михайловна, к сожалению, мало знала о довоенной жизни отца, поскольку когда тот уходил на фронт, ей было только девять лет. Они с матерью, бабушкой и двоюродным братом оставались в блокадном Ленинграде, и первые несколько месяцев жили в подвалах Эрмитажа, где стихийно было устроено бомбоубежище. Эту акцию организовал тогда его директор, учёный-востоковед, академик Иосиф Абгарович Орбели. В мощных подвалах музея люди прятались от обстрелов, обогривались, как могли – жили, работали. Елена Михайловна вспоминает, что её с домочадцами устроил туда отец, Михаил Максимов, прибывший в командировку с фронта. Но под Рождество 1942 года в водопроводную систему Эрмитажа попала бомба, подвалы стало заливать, и всех его обитателей пришлось выселять. Некоторое время семья провела в своей промёрзшей квартире на площади Коммунаров (ныне Никольской пл.), а 28 февраля Лену с

мамой, бабушкой и двоюродным братом отец вывез из окружённого Ленинграда в Волхов. Потом семью удалось эвакуировать под Череповец.

Много лет спустя о жизни в эрмитажных подвалах и о маленькой Лене Максимовой написала рассказ петербургская писательница Татьяна Александровна Кудрявцева – он вошёл в её книгу «Маленьких у войны не бывает». Там есть очерк «Леночка» – это о Елене Михайловне (ниже я помещаю этот рассказ). С Татьяной Александровной я тоже заочно познакомился, она, кстати, оказалась приятельницей моего хорошего друга – поэтессы Елены Васильевны Елагиной. Как неожиданно переплетаются судьбы!

4.

В мирное время Михаил Александрович был человеком сугубо гражданским. До войны он учился в Ленинграде в Институте инженеров общественного питания (был такой), где готовили инженеров-механиков по оборудованию для учреждений общественного питания. Закончил он его в 1935 году. Потом работал в сфере общественного питания. Придя с войны, вернулся к своей мирной профессии, работал будто бы директором (или администратором – ?) ресторана «Метрополь». Сведения о довоенной жизни Максимова были скудные. Зато о военной поре они оказались несколько полнее.

26 июня 1941-го Максимов записался добровольцем на фронт (хотя имел бронь, то есть отсрочку от призыва) и был направлен на Волховский фронт помощником командира 1-й горно-стрелковой бригады артиллерийско-пулеметного батальона. Однако в январе 1942-го, уже в звании лейтенанта, он был отозван в распоряжение редакции дивизионной газеты 54-й армии Волховского фронта «В решающий бой». Его корреспонденции появлялись в газете каждый день. У Максимова был немалый поэтический дар, и рядом со статьями о делах на фронте и в действующей армии постоянно появлялись его сатирические стихотворения на злобу дня, юморески, басни,

патриотические стихи. Была и лирика, которой так ждали бойцы на фронте.

Мы с тобою в верности до гроба
Никогда друг другу не клялись,
Но без слов ей присягнули оба
В час, когда прощаясь обнялись...

Начальную историю песни «Синий платочек» со словами Максимова я выше вкратце изложил. Вот немного подробностей.

До войны вальс «Синий платочек» со словами поэта Я. Галицкого был, как уж я говорил, довольно популярен. Тихая лирика текста, трогательная мелодия снискали песне такую же любовь, как томное танго «Утомлённое солнце» (кстати, того же Ежи Петербурского), «Чайка» Ю. Милютина, или лирические фокстроты «Эх, Андрюша» И. Жака, «Мишка, Мишка, где твоя улыбка» В. Нечаева... Однако если все эти песни исчезли из репертуара артистов с началом Отечественной войны, то популярность «Синего платочка» не померкла. Уже в первые дни войны поэтом Борисом Ковынёвым был написан новый текст на музыку Петербурского. Под названием «Прощальная» песня прозвучала по радио 29 июня 1941 года:

Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа
Киев бомбили,
Нам объявили,
Что началась война.
Кончилось мирное время,
Нам расставаться пора.
Я уезжаю,
Быть обещаю
Верным тебе до конца.
И ты смотри,
С чувством моим не шути!
Выйди, подруга,
К поезду друга,

Друга на фронт проводи.
Дрогнут колёса вагона,
Поезд помчится стрелой.
Ты мне с перрона,
Я – с эшелона
Грустно помашем рукой.
Пройдут года,
Снова я встречу тебя.
Ты улыбнешься,
К сердцу прижмешься
И поцелуешь, любя.

Финальные строки этого текстового варианта использовала Лидия Андреевна Русланова, когда в конце апреля 1942 года записывала песню (со словами Галицкого) на пластинку. История этой записи, кстати, драматична, и стоит её привести. С матрицы тогда успели сделать лишь пробный оттиск и по какой-то причине тираж отложили. В 1948-м Русланова была репрессирована. Вышло указание приостановить трансляцию её выступлений, а все её записи уничтожить. Только в 1976 году, после смерти Руслановой, чудом сохранившийся экземпляр пробного оттиска удалось обнаружить киевскому филофонисту В. П. Донцову. Пластинка вышла в 1982-м...

Но вернёмся в 1942-й год.

9 апреля этого года началась новая история уже известной песни. В апреле на Волховский фронт, где служил Михаил Максимов, прибыла фронтовая бригада – джаз-ансамбль ленинградского Дома Красной армии им. С. М. Кирова под управлением Владимира Коралли и Клавдии Шульженко. Накануне отличившимся в боях частям и соединениям 54-й армии было присвоено звание гвардейских, в честь этого события и состоялся приезд музыкальной бригады. Сделать отчёт о выступлении артистов в Волхов был откомандирован литсотрудник дивизионной газеты «В решающий бой» лейтенант Максимов.

И вот строки из упомянутого уже военного дневника Александра Бартэна, однополчанина и друга Максимова.

ва: «5 апреля 1942 года. Вечером в клубном зале школы – концерт джаз-ансамбля Ленинградского ДКА под руководством Шульженко и Коралли <...> Тяжело раненные. Сдержанные стоны. Слабый свет. Маленькая школьная сцена с остатками детских декораций. Раненные послали записку. По их просьбе Шульженко исполнила “Синий платочек”...»

Шульженко спела вариант со словами Галицкого, вариант, который певице не нравился, но который был тогда популярен.

А вот вспоминает сам Михаил Максимов:

«Узнав, что я пишу стихи, Шульженко попросила меня написать новый текст “Синего платочка”. “Песня популярна в народе, – сказала она, – у нее приятная мелодия. Но нужны слова, которые бы отражали нашу великую битву с фашизмом”. Максимов работал над текстом, как рассказывал Бартэн (см. выше) всю ночь. “Мне сразу понравилась песня, простые, берущие за душу слова, – рассказывала позже Шульженко. – У каждого из защитников нашей Родины есть своя родная женщина, самая близкая, любимая и дорогая, за горе и страдания которой он будет мстить врагу”. Особенно нравились солдатам строчки Максимова: “Строчит пулеметчик / За синий платочек, / Что был на плечах дорогих!”»

12 апреля 1942 года эти слова впервые прозвучали в исполнении Шульженко. Вот как вспоминает про это же Александр Бартэн: «...В ночь с 8 на 9 апреля Максимов, вернувшись с концерта Шульженко, сел за стол (мы занимали с ним одну комнату) и на рассвете разбудил меня: текст, мол, готов, послушай... А через три дня – 12 апреля – Клавдия Ивановна впервые выступила в железнодорожном депо станции Волхов с новым “Синим платочком”... Благодарные железнодорожники вручили Шульженко по тем временам неслыханный подарок – настоящий кремовый торт. Что касается Максимова – ему достался кусок торта, десяток папирос и стакан клюквы с сахаром. Таков был необычный гонорар...»

Подробности встречи Шульженко с лейтенантом Максимовым несколько разнятся в изложении разных

авторов, даже самой Клавдии Ивановны – в книге и в ее поздних высказываниях. В книге, например, она пишет, что Максимов сам подошел к ней и предложил свой вариант текста. Но тут с ней расходится и сам Максимов (рассказывавший об этой встрече уже после войны в телевизионной передаче, что зафиксировано в статьях автором ее – Юрием Бирюковым), и его фронтовым другом Бартэном. По-своему излагает этот эпизод и руководитель фронтовой бригады Владимир Коралли, который в своих воспоминаниях уверяет, что Максимов сам подошел к Клавдии Шульженко с уже написанными словами песни. Много позже и сам Максимов по-иному рассказывал про этот случай. Вот отрывок из его выступления по Новгородскому радио 4 января 1969 года (Максимов вспоминает приезд на Волховский фронт концертной бригады с Клавдией Шульженко):

«„Синий платочек“ мы услышали – я говорю “мы”, это бойцы Волховского фронта – услышали в городе Волхове на концерте в апреле 1942 года, когда Клавдия Ивановна в составе бригады приехала на Волховский фронт. Это был, пожалуй, первый ансамбль, который из блокадного Ленинграда привёз к нам музыку, песни. После тяжёлой первой военной зимы бойцам было очень приятно и радостно снова видеть, особенно ленинградцам – Клавдия Ивановна ленинградка – видеть и слышать эту хорошую и милую песню. Я тогда, помню, в составе нашей армейской газеты 54-й армии Волховского фронта был слушателем этого концерта и с таким же большим удовольствием слушал Клавдию Ивановну Шульженко. После концерта – дружеская беседа, обмен впечатлениями, разговор о солдатских буднях, благодарность в адрес артистки. Ну и вот тогда Клавдия Ивановна, обращаясь к нам – работникам армейской газеты, попросила, мол, нужна новая песня, вернее, говорит: нужно вот на эту песню, которую уже знает народ, написать такой текст, который соединил бы два качества – сохранил бы лирический настрой песни и в то же время чтобы в нем прозвучали бы военные нотки. Меня эта мысль захватила, и я за ночь, помню, написал новый текст, которому было

Клавдия Шульженко в фильме
«Концерт – фронту». 1942 год

Грампластинка 1942 года с записью песни “Синий платочек”
в исполнении К. Шульженко со словами М. Максимова

– этого я не ожидал – уготована такая счастливая и долгая жизнь. Вот этой долгой жизнью песня была обязана Клавдии Ивановне».

Михаил Александрович не совсем все же прав насчет причины популярности песни – Клавдия Ивановна пела много прекрасных песен, но такой популярности, как «Синий платочек», они не достигли. Видимо, дело было не только в проникновенном исполнении Шульженко.

Как бы там ни было, с этого момента началась та невероятная популярность «Синего платочка», которая не стихала десятилетия. Вместе с песнями «Вечер на рейде» В. Соловьева-Седова, К. «Землянка» Листова и некоторыми другими она открыла настоящую песенную лирику в советской музыке, странное, на первый взгляд, явление в военное время. Однако нет, не странное. Тоска по дому, по любимой женщине, по семье, просто по женской ласке возвращала солдат – хотя и в мечтах и в мыслях – к мирной жизни, а главное – не давала ожесточиться их сердцам, сохраняла тепло души, человечность. Играли роль и лирические мелодии, и слова. В истории же с «Синим платочком» именно слова сыграли решающую роль. Благодаря словам песни и стала символом, эмблемой военной эпохи. Редчайший случай в истории эстрадной и массовой песни. И была то заслуга никому неизвестного лейтенанта Максимова...

Сопротивление начальствующих органов проникновению «лирического элемента» в военный песенный репертуар поначалу было довольно сильным. Не сразу нашли путь к слушателю те же «Землянка» Листова, «Вечер на рейде» Соловьева-Седова, «Морячка» Н. Будашкина... По поводу «Землянки» (не потерявшей, кстати, известности и до сих пор) маршал И. Конев говорил, что ее строки «вводят бойцов в сферу настроений, отличных от тех, которые диктуются сложившимися обстоятельствами».

И слова песни «Синий платочек» в газете «В решающий бой», где работал Максимов, печатать отказалась. Вот как рассказывал про это много лет спустя сам

Максимов в цикле телепередач 1970-80-х Юрия Евгеньевича Бирюкова: «Я, конечно же, не мог тогда предположить, что “Синий платочек” с моим текстом “приживётся” и что ему будет уготована такая долгая жизнь. В ту пору считалось ведь, что на фронте нужны совсем другого рода стихи и песни – призывные, мобилизующие. Помнится, редактор нашей газеты в ответ на мое предложение опубликовать эти стихи вместе с отчётом о концерте Шульженко тоном, не терпящим возражений, категорически заявил: “Вы что, лейтенант? О каких «синих платочках» может идти сейчас речь? Кругом – война, смерть, разрушения...” Об этом разговоре узнал наш ответственный секретарь, получивший новое назначение – редактором дивизионной газеты “За Родину!” – Александр Львович Плющ. “Давай, – говорил он мне на прощанье, – твоё “творение”. Я его в своей газете напечатаю и тем отмечу вступление в новую должность. Авось, не снимут...” Он первый эти стихи опубликовал. Больше я их никуда не посылал...”

Бирюков пишет в своей книге «Песни, опаленные войной»: «Было весьма заманчиво отыскать эту первую публикацию «Синего платочка» и ее инициатора. Выяснилось, что живет он в Москве, был в свое время редактором <...> газеты «Неделя». Мы встретились <...> Порывшись в ящиках письменного стола, он <...> извлёк оттуда пожелтевшую от времени <...> подшивку дивизионной газеты “За Родину!”. Вот и 101-й номер ее от 8 июня 1942 года, и в нём, на второй странице, стихотворение “Синий платочек” с подписью “Лейтенант М. Максимов”. “Сохранилась и газета с заметкой, рассказывавшей и о том, как восприняли эту песню у нас в дивизии, – продолжал между тем свои воспоминания Плющ. – Особенно пришлась она по душе пулемётчикам. Все они так и считали, что песня эта про них написана, коль заключают ее слова: “Строчит пулемётчик за синий платочек...”»

Газет «За Родину!» было во время войны несколько. Стихи Максимова были напечатаны в газете 331 дивизии 54-й армии Волховского фронта. Так песня начала свой

путь к воевавшим на фронте. Потом прибавились грам-
пластинки, которые с 1942 стали поступать в некоторые
армейские части вместе с патефонами; и открытки (в том
числе нотные), тысячами присылаемые на фронт. Вот что
писал Максимов своей жене и дочке в Череповец в 1942-
м: «Вчера на почте были в продаже открытки-песни. Сре-
ди них мой “Синий платочек”, тот, что я писал для
Шульженко. Есть у меня одна открыточка. Достану еще –
пришлю. Лапуне [*дочке Лене – Ю.К.*] понравится – с кар-
тиночками. Приезжали с юга, рассказывали, что её пел
весь Сталинградский фронт. Приятно...» Ходили по ру-
кам списки стихов. С трогательным чувством рассматри-
ваешь сейчас какой-нибудь солдатский блокнотик, куда
вписаны слова «Синего платочка». Но, конечно, самый
популярный способ распространения песен в то время
был – «с голоса», из уст в уста.

Помню, как в памятный вечер
Пал платочек твой с плеч.
Как провожала
И обещала
Синий платочек сберечь.
И пусть со мной
Нет сегодня
Любимой, родной,
Знаю, с любовью
Ты к изголовью
Прячешь платок голубой.

Письма твои получая,
Слышу я голос живой.
И между строчек
Синий платочек
Снова встаёт предо мной.
И часто в бой
Провожает меня облик твой
Чувствую, рядом с любящим взглядом
Ты постоянно со мной.

Сколько заветных платочков
Носим в шинелях с собой!
Нежные речи,
Девичьи плечи
Помним в страде боевой.
За них, родных,
Любимых, желанных таких,
Строчит пулемётчик,
За синий платочек,
Что был на плечах дорогих!

Именно этот вариант всегда исполняла Клавдия Шульженко – и во время войны, и после. Выйдя в 1976 году на свой юбилейный концерт с синим платочком в руках, она также начала песню со слов «Помню, в тот памятный вечер...» У Максимова были ещё две строфы (см. Приложение), но Шульженко их отбросила, и песня эффектно заканчивалась словами:

Строчит пулемётчик,
За синий платочек,
Что был на плечах дорогих!

...Но вот война отгремела. И что же известно нам о Михаиле Максимове послевоенного времени? Практически ничего. Что было с ним? Где работал? Неизвестно было и то, где и как он провёл детство, где учился? Какова была судьба его родителей? Писал ли и дальше он стихи, печатал ли их? У Елены Михайловны осталось не так много документов о папе. Она рассказывала мне, что стихи отец писал, по его же словам, с 6 лет и, возможно, не переставал их писать и дальше. С фронта он присылал, помимо других стихов, отрывки из своей шутливой поэмы «Похождения Клима Смекалкина» с рисунками его фронтового друга, художника Евгения Евгана. Поэма печаталась в 1942 году во фронтовой газете «В решающий бой» и, судя по рассказам Елены Михайловны, была не просто шутливой, но сатирической, на злобу дня. К

сожалению, далеко не все письма у Елены Михайловны сохранились.

Из стихов Максимова у Елены Михайловны осталось только три из фронтовой почты – два стихотворения, посвящённых её маме, и стихотворение «Дочке» (десятилетней Елене Михайловне), вот его начало:

Получил сегодня папа
Поутру твое письмо,
И хоть дождик мелкий крапал,
Стало ясно и тепло...

В июне 1956 года Елена Михайловна, выйдя замуж, переехала на жительство в Болгарию. Вскоре ей пришлось вернуться из-за болезни мамы. В 1957 мама умерла. Через три года, в 1960-м, Елена Михайловна уехала в Болгарию уже навсегда и приезжала редко...

5.

Всё это она рассказывала мне по скайпу, по телефону, в электронных письмах. И вдруг однажды звонит мне в некотором возбуждении и сообщает, что разыскивая в Интернете сведения о работе папы в «Метрополе», нашла интересный и ей неизвестный материал – отрывки из книги Петра Меркурьева о своём отце, народном артисте Василии Васильевиче Меркурьеве; и там упоминается Михаил Максимов!

Боже мой, эта же книга у меня была! Я кидаюсь к полке и достаю книгу воспоминаний Петра Меркурьева-Мейерхольда о своих родителях, которую он мне когда-то сам и подарил – «Сначала я был маленьким». Под 1947 годом читаю:

«Случилась трагедия: у Манюни [няня Меркурьевых – Ю.К.] украли все карточки на месячный провиант <...> Папа торопится на спектакль, мы остаёмся дома с перспективой голодного завтра. В этот вечер папа не сразу идет домой – он заходит в ресторан “Метрополь” поужинать и что-нибудь выпросить из продуктов. Но надежды

на это мало – и работники ресторана боятся: за такие про-
ступки легко угодить в Сибирь <...> Во время папиного
ужина к его столу присаживается молодой высокий кра-
сивый мужчина и сразу участливо спрашивает: “Василий
Васильевич, что у вас такое грустное настроение?” Папа
поведал незнакомцу нашу печальную историю. Собесед-
ник тяжело вздохнул и, сказав: “Не отчаивайтесь, Васи-
лий Васильевич”, отошёл от столика.

Полужинав, папа подозвал официанта, чтобы распла-
титься. “За вас заплачено”, – ответил тот. А когда пришёл
домой, то застал такую картину: мама, бабушка и Маню-
ня рассматривали содержимое четырёх огромных коро-
бок. А там были и макароны, и крупа, и колбаса, и под-
солнечное масло, и сгущенное молоко... “Вот, Вася, при-
несли и сказали, что это тебе. От кого – не сказали”.

Выяснилось, что вчерашний красивый молодой
мужчина оказался директором “Метрополя”, фронтови-
ком, лейтенантом Михаилом Максимовым. И завязалась
у дяди Миши с нашей семьей очень прочная дружба, за-
кончившаяся только со смертью моих родителей. Лишь
несколько лет спустя <...> Михаил Александрович слу-
чайно обмолвился, что слова популярнейшей песни “Си-
ний платочек”, которую пела К. И. Шульженко, написал
он...»

Когда я читал эту книгу 10 лет назад, я ещё не инте-
ресовался личностью лейтенанта Максимова и потому,
конечно, пропустил эти строки. Но теперь для меня от-
крылось нечто весьма неожиданное.

Дело в том, что с Петей Меркурьевым мы в 1960-х
годах учились в музыкальном училище при консервато-
рии на одном курсе, в одной группе. Мы очень дружили,
и я – и один, и с сокурсниками – часто бывал в квартире
Меркурьевых на ул. Чайковского, 33. Мы целые вечера
болтали, музицировали, обсуждали что-то, пили чай, ко-
фе с молоком. У Меркурьевых почти всегда был народ –
гости, да и семья была большая. И вот, прочтя теперь
строки о «дяде Мише», я задумался – а не видел ли я это-
го «дядю Мишу» там, на Чайковского, 33? В 1960-х ему
было лет 50 с небольшим. Я попросил Елену Михайловну

прислать мне фото папы. Она прислала сначала военные фотографии, где он совсем молодой. Мне показались очень знакомыми эти глаза – взгляд мягкий и очень добрый, но волевой и порой прямо «сверлящий». Наконец она нашла и прислала мне фото 1960-х годов. И я узнал этого красивого статного мужчину, всегда весёлого и общительного, всегда готового перебраться шуткой с молодёжью. Я, может, и видел его у Меркурьевых несколько раз и, может, и сказал-то всего пару слов. Но юная память цепкая: я точно видел, я знал этого человека. Помнил его юмор, ироничный часто. Михаил Александрович не прочь был немного подтрунить над нами, студентами. Но всегда это было по-доброму.

Вот какие зигзаги совершает судьба – в течение нескольких лет я пытался докопаться, кто же такой этот загадочный «лейтенант Максимов»? А оказывается, я был с ним знаком, я даже говорил с ним! Как это назвать – «планида»? Может, мне было это назначено судьбой?

Что я ещё узнал о Максимове? Помимо того, что он писал стихи, он неплохо рисовал. К сожалению, при разных переездах детский альбом с его рисунками (и рисунками родителей) у Елены Михайловны украли. Но поразительнее всего были музыкальные дарования Михаила Александровича. У него был абсолютный слух, и он обладал тем, что называют «моцартовская память», то есть он мгновенно запоминал услышанное произведение и мог повторить на музыкальном инструменте в точности любую впервые услышанную пьесу. Вот строки из электронного письма Елены Михайловны мне: «Он пришёл однажды провести маленькую внучку Аню, мою дочь. В этот момент по радио сказали, что будут исполнять прелюдию Рахманинова. Зная о его музыкальном таланте, я попросила его повторить её после прослушивания. Он засмеялся, сел и всю сыграл, хотя никогда не учил. Он обладал природной техникой и исключительной музыкальной памятью. Это был феноменальный дар – если бы он учился, достиг бы невероятных вершин...»

А вот что пишет о нём Пётр Меркурьев в своей книге: «Дядя Миша был потрясающе музыкален. Великолеп-

но играл на рояле (хотя специально этому не учился), а слух у него был такой, что любой дирижёр позавидовал бы! Однажды я решил его проверить «капитально» и двумя руками – от кончиков пальцев до локтей – «лёг» на клавиатуру. Дядя Миша засмеялся, но назвал ноты, которые не прозвучали в этом диапазоне <...> От него я, шестилетний, узнал об опере Прокофьева «Война и мир» – Максимов ходил и на репетиции, и на спектакли в Малый оперный <...> а потом у нас дома по слуху играл почти всю оперу и пел очень приятным баритоном полубившиеся партии».

С семейством Меркурьевых у Михаила Александровича дружба была очень тесной. В 1950-х Михаил Александрович жил на улице Рылеева, дом 17-19 (это сдвоенный номер). Двоюродная сестра Елены Михайловны (и племянница Михаила Александровича) – Зинаида Игнатьевна Мартынова, посещавшая там дядю в те годы, рассказывала, что к Максиму заходил сам «ВасВасич» (так в актёрской среде ласково звали Василия Васильевича Меркурьева), да не один, а с друзьями, артистами Театра им. А. С. Пушкина – Игорем Олеговичем Горбачевым, Ольгой Яковлевной Лебзак. С Максимовым, как рассказывают, можно было говорить на любые темы. Он был не только очень образованным человеком, но и непревзойдённым собеседником, остроумным, весёлым, тонким. Был артистичен, обладал даром рассказчика. Ещё она помнила, что иногда бывала у дяди на Витебском вокзале, где он тогда работал директором ресторана.

А вот нечто, касающееся меня лично. С самого рождения в течение сорока лет я прожил в доме 21 по ул. Рылеева. И значит, когда в доме 17-19 жил Максимов, я был его соседом! Наверное, мы встречались с ним не раз когда я был мальчишкой. Но почему мы не сталкивались с ним потом? Когда в нашей с Еленой Михайловной работе обнаружили новые семейные архивы Максимовых, я узнал, что Максимов в 1956 или 1957-м переехал на Гражданскую улицу, и всё прояснилось... Но вот какие сюрпризы готовит нам иной раз судьба – человек, о котором я долго пытался узнать хоть что-нибудь, оказывается, не

только был мне знаком, но был моим соседом! Но и этого мало. Уже много лет я живу в Купчино, возле железнодорожной станции Проспект Славы, и до города добираюсь обычно на электричке – всего две остановки – и я на Витебском вокзале. И вот теперь, то есть в последние два года, выходя на платформу, я каждый раз вспоминаю, что более полувека назад на этом вокзале в качестве директора ресторана работал Михаил Александрович Максимов... Маленький привет мне от него из далёкого далека.

6.

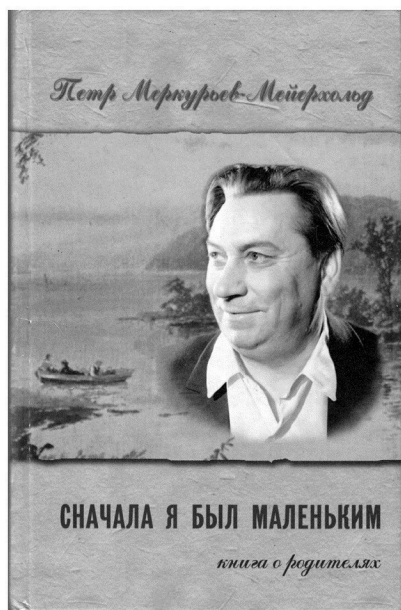
Для полноты повествования – ещё два слова об истории песни «Синий платочек». Её известность перешагнула границы СССР в довоенные годы. В 1940-х первый исполнитель песни – Станислав Ляндау – перевёл её на английский, а после войны, в 1952-м напел английский вариант на пластинку.

На мелодию Петербургского было написано ещё несколько текстов. В 1945 году появился французский «Синий платочек», его создал поэт Луи Потерат. В 1949 году вышел из печати испанский вариант песни поэта Марио Баттистелли – он был издан в Буэнос-Айресе, в Аргентине, куда в 1949-м перебрался на жительство Ежи Петербургский. Вскоре появился вариант текста на иврите известного израильского поэта Авраама Шлёнского (Шлёнск – польское название Силезии). Издавался «Синий платочек» и в США, правда, музыка Петербургского подверглась переработке, и авторами её были указаны два других композитора – Don Reid и Seva Foullon. В России вариантов слов было около 80-ти. С 1940-го по 1944 год, например, слова к «Синенькому платочку», помимо Галицкого, Ковынёва и Максимова, писали также Павел Герман, Михаил Гаркави и еще многие, часто безвестные авторы

А вот на родину Ежи Петербургского песня пришла только в 1967 году, и связано это было с возвращением композитора в Польшу. Авторами польских слов были Артур Тур и Агнешка Фейль. По-польски песня начина-

Василий Меркурьев и Михаил Максимов
с маленьким Петей Меркурьевым. 1949 год

Петр Меркурьев (фото 1990-х годов)
и его книга, в которой
рассказывается о Михаиле Максимове

С другом, артистом Игорем Горбачёвым.
1956 год. Ленинград

ется «Маленький синий платочек / Тот, что храню много лет...» Песня пелась от имени женщины (хотя изначально песня – «мужская»), а платочек превратился в носовой – в русском варианте это был головной платок («Падал с опущенных плеч»).

«Синий платочек» и сейчас один из хитов польской эстрады.

Но вряд ли этот нежный военный вальс где-то трогает слушателя так, как трогает он нашего слушателя. Слишком о многом – и многим – говорят до сих пор его звуки – и, конечно, его слова.

7.

На основе рассказов Елены Михайловны и, конечно, того, что я знал тогда о «Синем платочке», я опубликовал статью в петербургском музыкальном журнале «Скрипичный ключ». Статья вышла в декабре 2015 года. Но пока шла работа над ней, мы с Еленой Михайловной задумались о создании книги – книги о её отце. Мы оба понимали, что это уже становится моральным долгом для нас.

О Максимове в разных изданиях в Интернете было множество разных небылиц и легенд. Кто-то писал, что после войны Максимов работал поваром в ресторане. Кто-то, прослышав краем уха о встрече его во время войны с Шульженко, писал, что встреча эта произошла на Дороге жизни, на льду Ладожского озера. Кто-то утверждал, что Максимов, когда написал слова к песне «Синий платочек», был совсем молодым человеком, и ему едва исполнилось 20 (а дочке его было в это время 8!). А в одном из текстов даже утверждалось, что Максимов все военные годы провёл в Доме отдыха писателей в Чистополе... В общем, срочно нужны были правдивые сведения об этом человеке. Да хоть какие сведения! – их было крайне мало.

У Елены Михайловны обнаружился незаурядный талант изыскателя. Она сумела найти тех, кто общался с её папой и помнил его, отыскала дальних родственников

– своих и новых папиных, а также родственников его последней жены Ирины Фёдоровны, отыскала некоторых новых папиных знакомых его последних лет. И это – в течение каких-то полутора-двух лет, почти не выезжая никуда за пределы Софии. Только раз, в 2015-м, она приезжала на лечение в Москву. Результатом её поисков стали два семейных архива – неизвестные письма, фотографии, другие документы, касающиеся её папы. А поскольку найденные ею товарищи по большей части жили в Петербурге, то «курьером» по сбору документов стал я. Я общался с обладателями архивов, рассматривал и изучал бумаги и фотографии, сканировал – и прочее, прочее.

Несколько военных фотографий прислала Елене Михайловне из Москвы Ирина Евгеньевна Евган, дочь друга Максимова – художника Евгения Евгана. Из Москвы же от Елены Васильевны Васильевой, техсекретаря и фотографа студии Васина-Макарова к ней поступило два стихотворения Михаила Александровича и небольшой, но очень ценный рассказ о нём. В получении части архива нам помогла сотрудница Эрмитажа Юлия Кантор, а впоследствии приняла участие в нашем проекте другая сотрудница Эрмитажа – Наталья Сидорова. Нам посодествовали в поиске также здравствующие родственники Максимова и знавшие его люди, например, Маргарита Николаевна Куткина. Вот, кстати, пример изыскательского таланта Елены Михайловны – наше знакомство с профессором Маргаритой Николаевной, сначала заочное, а потом и очное. Помня о том, что папа ее преподавал в Институте советской торговли, Елена Михайловна стала искать в Интернете сведения об этом учреждении в надежде найти упоминания о Михаиле Максимове. Наткнулась на книгу Ольги и Павла Сюткиных «История русской кухни» – и вдруг в главе «Поварской вальс» увидела упоминание о «Синем платочке» и о Маргарите Куткиной, зав. кафедрой нынешнего Торгово-экономического университета, некогда – Института инженеров общественного питания. Но ведь его окончил папа. Елена Михайловна тут же разыскала петербургский телефон профессора Куткиной и позвонила ей из Софии. Так они по-

знакомились. Потом заочно с Маргаритой Николаевной познакомился и я. А когда в Петербург приезжала дочка Елены Михайловны, пианистка Анна Петрова-Форстер, Маргарита Николаевна была на ее концерте – там мы с Маргаритой Николаевной познакомились очно. Причём она первая меня узнала – «вычислила», как она сказала. Маргарита Николаевна много интересного рассказала о папе Елены Михайловны, о своём учителе и помощнике. Она училась у него в Торговом институте, была его студенткой. А потом была его же студенткой на Высших торговых курсах. Маргарита Николаевна рассказала мне о годах учения, о характере Михаила Александровича. Уточнила некоторые факты, известные нам только приблизительно. В 1960-х, оказывается, Максимов пригласил её преподавать на Высших кулинарных курсах, которые сам организовал (не путать с Высшими торговыми курсами, существовавшими с 1920-х годов и по другому адресу).

В течение нескольких месяцев мы с Еленой Михайловной собирали и уточняли сведения о её отце. Самый большой архив обнаружился в семье пасынка Максимова – Геннадия Сергеевича, который любезно нам этот архив предоставил, за что мы благодарны ему.

Как всё это было трогательно и символично... Спустя 50 лет (с далёких 1960-х) я снова прикасался к судьбе этого человека... Ещё два-три года назад я не знал о нём почти ничего, а теперь...

8.

А теперь вместо сбора обрывочных сведений о Максимове, буквально с миру по нитке, когда огромные периоды из жизни этого человека оставались в тени, неожиданно появилась возможность, наконец, выстроить его биографию, а главное – представить и по мере сил понять личность его, узнать про его пристрастия и симпатии. Опять повторю – необычный был человек, неординарная личность.

В архивах нашлись неизвестные нам стихи (довольно много) и статьи Максимова, обнаружили его фронтовые публикации, письма, интервью, много фотографий...

И вот вы держите в руках готовую книгу. В том, что она появилась, заслуга прежде всего Елены Михайловны Петровой-Максимовой. Поэтому на обложке стоят две фамилии. Я выступаю в качестве рассказчика. Но как рассказчик я бы не стал ставить свою фамилию, если б волею судьбы, как я уж говорил, сам не оказался причастен к истории песни.

Как мы работали и как решили построить книгу? С Еленой Михайловной мы никогда не виделись. Да, в 2015 году она приезжала в Россию, но – в Москву. А в Петербурге, где живу я, она в последний раз была в 2012-м. К сожалению, обстоятельства не позволяют ей вновь посетить родной Ленинград-Петербург. Мы общаемся с ней через электронную почту, через телефон, скайп. Вот и решили, что я возьму на себя роль рассказчика, а Елена Михайловна всё время будет рядом, как бы «у меня за плечом», будет постоянно меня направлять, поправлять, подсказывать, отвечать на мои вдруг возникающие вопросы – то есть будет постоянно присутствовать в книге как комментатор, редактор фактического материала – ну, и рассказчик, конечно, тоже. Это будет рассказ-диалог.

Начну ab ovo – с того времени, когда мы с Еленой Михайловной только начинали наши розыски.

Вот одно из первых её электронных писем ко мне.

«Мой отец Михаил Александрович Максимов родился в 1907 году, 4 декабря (по новому стилю, конечно, а по старому, наверное, 21 ноября) в Петербурге, в рабочей семье. Его отец работал на Путиловском заводе слесарем [он был пушечный мастер, как позже выяснилось. – Ю.К.], мама была домохозяйкой. В семье было трое детей – старшая дочь Зинаида, средняя Александра и младший сын Михаил. Родители умерли очень рано, и Михаила растила в основном старшая сестра Зинаида. По окончании школы папа поступил на экономический факультет, далее, насколько я уже помню, он учился еще в

Москве и стал инженером-механиком. В конце 1920-х или в начале 1930-х папа женился на Анне Васильевне Солодовниковой, а в 1932 году в семье Максимовых родилась я... Перед войной и после войны папа работал в системе общественного питания.

Мы жили – Прядильный переулоч, 8, кв. 46 (пятый этаж, без лифта). Комната метров 10-12, окно прямо упиралось в стену, так что постоянно горела лампа. В этой комнате мы жили потом вчетвером – я, мама, папа, бабушка – представляю, что это была за жизнь. В квартире жили еще: семейная пара без детей в крохотной комнатке; две папины сестры: старшая Зинаида и вторая – Александра, с мужем и двумя детьми. Было “весело”...

(Пояснение: небольшой Прядильный переулоч находится в районе Коломны, идёт от улицы Лабутина к Фонтанке. На нем всего 12 занумерованных домов, на деле только 10: дом 8 имеет сдвоенный номер 8-10. – Ю.К.)

Из довоенных воспоминаний самые яркие – Новый год и первомайские праздники. На Новый год – дома высокая ёлка, папа поднимает меня на руки, и я украшаю ёлку – развешиваю игрушки, орехи, мандарины, конфеты. С нетерпением ожидаю момента, когда найду под ёлкой подарки. Зимой часто вечером я шла с ним в садик напротив, около Никольской церкви, и там каталась на санках с горки. Лечу вниз с ледяной горки и визжу и от радости, и от страха. Иногда ходили на каток в Юсуповский сад. А 1-го мая – по радио с утра звучат веселые песни, марши, на улицах толпы людей с флагами, знаменами, дети с разноцветными шариками. Отец сажал меня на плечи, он был очень высокий, сверху мне было всё хорошо видно, и мы шли на демонстрацию. Иногда, приходя по вечерам с работы, отец заводил патефон и ставил любимую пластинку – “Три поросёнка”. Я бегала вокруг стола, крича: “Нам не страшен серый волк, серый волк”, а он рычал, изображая волка, и гонялся за мной. Летом я всегда с нетерпением ожидала воскресенья или субботы, когда родители приезжали на дачу, где я жила летом с бабушкой. Тогда мы ходили в лес за грибами: это было наше общее

увлечение – кто соберёт больше, получает награду. Детство казалось бесконечным, безоблачным, ничто не предвещало беду. Она нагрянула неожиданно. Однажды летом 1941 года, 22 июня, в воскресенье я с мамой и моя одноклассница с мамой отправились с утра пораньше в Петергоф. Был чудный солнечный день, мы бродили по тенистым аллеям, любовались фонтанами. В какой-то момент заметили, что около репродуктора толпятся люди, о чем-то возбужденно говорят, некоторые плачут. Война! Все ринулись на вокзал, скорей – в Ленинград! Мы, дети, ещё не могли осознать весь ужас случившегося. Хотя совсем недавно была финская война, но она как-то нас не коснулась. Вечером отец сказал: “Эта война будет тяжёлая”. У него была бронь, но он ушёл на фронт добровольцем. Сначала был в горно-стрелковой бригаде, потом его отозвали в редакцию фронтовой газеты “В решающий бой”. Печатался он и в газете “За Родину”.

Однажды в Волхов приехала концертная бригада с Владимиром Коралли и Клавдией Шульженко... Ну, а историю написания “Синего платочка” все знают.

В это же время вышла и почтовая открытка с текстом песни. К сожалению, при переездах эта открытка у меня пропала. Последние два куплета, приводимые на этой открытке, были изъяты и никогда не исполнялись.

На фронте отец написал много стихов, у меня сохранились три стихотворения – те, что он присылал в письмах. Привожу одно из них:

ВОСПОМИНАНИЕ

Расставаясь, оба мы не знали –
Быть в разлуке месяц, иль года,
Одного лишь слова избегали –
Горестного слова – навсегда.

Мы с тобою в верности до гроба
Никогда друг другу не клялись,
Но без слов в ней присягнули оба
В час, когда, прощаясь, обнялись.

Помню все. И как стоял в вагоне,
Паровоза тягостный гудок.
И твою фигурку на перроне,
И слезами смоченный платок.

Если б тот, кто поезд в путь отправил,
Посмотрел в тот час в твои глаза,
Он наверно б в нарушение правил
Руку положил на тормоза.

Но известно, что по расписанию
Ходят поезда и корабли,
И минут последнего свиданья
Мы продлить с тобою не могли.

И тогда, на всех других похожий,
Я себя, вчерашнего кляня,
Понял ясно, что всего дороже
Заново ты стала для меня.

Мих. Максимов

Это стихотворение папа посвятил своей жене, моей маме. О маме я бы хотела немного рассказать.

Анна Васильевна Максимова (до замужества Солодовникова) родилась в Севастополе. Она была правнучкой защитника Севастополя в Крымскую войну, матроса Крапивко, который (по многочисленным рассказам ее мамы – Ефросиньи Павловны Солодовниковой) служил боцманом на флагманском корабле адмирала Нахимова. Когда Нахимов был тяжело ранен на Малаховом кургане, Крапивко с другими матросами выносил его с поля боя. В семье Анны Васильевны имя Павла Степановича Нахимова произносилось с особым, глубочайшим уважением.

По окончании женской гимназии мама оставалась известное время в Севастополе, а затем уехала в Ленинград. Здесь в 1926 году она закончила Центральные кооперативные курсы Ленинградского союза потребителей

ских обществ по подготовке ответственных кооперативных работников. В 1936 году защитила дипломную работу (к сожалению, нет документа, позволяющего установить, в каком точно институте она училась) на тему «Техпромфинплан чугунолитейного цеха завода им. В. М. Молотова».

Жили мы тогда в тяжелейших условиях – вчетвером в тесной, тёмной комнатухе. Сейчас трудно себе это представить.

До войны Анна Васильевна работала некоторое время экономистом в Управлении по делам искусств. Во время войны и блокады Ленинграда (до эвакуации) она ездила рыть окопы около Ленинграда, поднималась на крыши домов тушить зажигалки. В эвакуации под Череповцом она сразу организовала ясли в колхозе, чем наверняка помогла колхозницам, которые были уже спокойны за своих детей и не водили и не носили их с собой на работу. Мама получала трудовни. Михаил Александрович в письмах маму и меня называл «мои колхозницы».

Вернувшись после эвакуации в Ленинград, мама работала по восстановлению разрушенного хозяйства (Севзапэнергоремонт), за что была награждена медалью. Все последние годы, до смерти, работала зам. начальника планового отдела ЦКБ 15. В этом ЦКБ (ныне «Айсберг») был разработан в 1953–1955 гг. проект строительства атомного ледокола «Ленин» (спущен на воду в декабре 1957 года).

Мама была необыкновенно отзывчивым, добрым и мягким человеком. Всюду, где она работала, она непременно завоевывала всеобщую любовь и уважение. Очень много читала. Неплохо рисовала. Играла на фортепиано и любила под собственный аккомпанемент петь старинные русские романсы. Хорошо знала французский язык... Явно образование в женской гимназии в Севастополе до революции было на высоте, если выпускницы гимназии овладевали и иностранным языком, и игрой на рояле уже в пределах учебной программы, не прибегая к каким-либо дополнительным частным урокам.

Анна Васильевна Солодовникова (в замужестве Максимова),
мама Елены Михайловны. Фото 1920-х годов

Анна Васильевна Максимова
в 1947 году. Баку

Во время блокады я, мама, бабушка и двоюродный брат жили в бомбоубежище под Эрмитажем. Брат приходил очень редко, ему было 15 лет, и он работал на военном заводе. Под Рождество 1942 года директор Эрмитажа академик Орбели влетел в бомбоубежище с криком: “Быстро все собирайтесь, нас заливают вода!” И так почти ночью, в лютый мороз, нам пришлось покинуть надежное укрытие от бомб и снарядов, и мы все оказались на улице и разбрелись по своим домам.

Два месяца мы прожили в нашей большой коммунальной квартире (соседи все эвакуировались), без воды, без канализации, без тока, без тепла (использовали только буржуйку для приготовления подобия пищи). Все тяготы блокадной жизни мне хорошо запомнились. Об этом написаны тысячи страниц. В конце февраля отец приехал с фронта по делам редакции и через неделю (28 февраля) вывез нас по Дороге Жизни в Волхов, где была его редакция»...

Вот что рассказала мне тогда Елена Михайловна. А потом Зинаида Игнатьевна рассказала (но не со стопроцентной уверенностью), что после революции 1917 года семейство Максимовых жило на даче где-то в Финляндии (Финляндия тогда входила в состав Российской империи), и когда придвинулся к Петрограду фронт Гражданской войны, семья стала перебираться в город. Ехали на поезде, с длительными остановками. И будто бы родители Михаила – мама, а потом отец – заболели тифом и вскоре умерли оба в один год – в пути или когда прибыли в Петроград – она не знала. Время смерти родителей Михаила она определяла, таким образом, 1918-1921 годами (Зинаида Игнатьевна предполагает, что это был 1919 год). Таково семейное предание. Напомню – в семье Александра Максимова было трое детей: Михаил и две девочки – Зинаида и Александра. Зинаида Александровна всю блокаду провела в Ленинграде. Александра Александровна имела четырёх детей (Ира, Таня, Петя и Зина – упомянутая Зинаида Игнатьевна).

Елена Максимова с бабушкой,
Ефросиньей Павловной Солодовниковой.
Шутливое семейное фото. 1946 год. Ленинград

Елена Михайловна знала, что папа учился в Институте инженеров общественного питания в Ленинграде с 1930-го (когда институт был организован) по 1935 год. Знала она это по сохранившимся фотографиям, потому что помнить этого не могла – она родилась в 1932-м, а папа особенно много про свою учёбу не рассказывал. Несколько папиных фотографий той поры Елена Михайловна мне прислала. Одна из них довольно любопытна, датируется 1932 годом – годом её рождения. На ней Михаил Александрович снят с группой людей примерно его возраста, я даже сначала решил, что это сокурсники Михаила Александровича. Но на обороте фотографии была надпись: «Преподавателю Экономполитики тов. Максиму от группы ТНЕ № 13 [*расшифровать аббревиатуру мне не удалось.* – Ю.К.]. 24/VIII 32 г.». То есть ещё учась в институте, Максимов преподавал на каких-то курсах или в каком-то институте, скорее всего, в том же, где учился сам. Такое бывало в те годы частенько (да и позже тоже) – студенты старших курсов, за некомплектom преподавателей, читали лекции студентам младших курсов. Термином «экономполитика», как мы думали, обозначали впоследствии «политэкономия». Ничего подобного. Вскоре выяснилось, что это не так, что это два разных предмета.

Но как провёл Михаил Александрович годы до института, где учился в детстве – в школе, в гимназии? Этого мы не знали. И вот удача – в одном из семейных архивов нашёлся уникальный документ, датированный 19 июня 1925 года:

«Ленинградский губернский Отдел народного образования.

Удостоверение.

Предъявитель сего гр. М. А. Максимов, родившийся 21/XI 1907 г., обучался в 32-й Советской единой трудовой школе Центрального района с 1922 по 1925 г. и окончил полный курс I и II ступени...»

Это были очень важные для нас сведения. Узнать местоположение школы нам, однако, в точности не удалось, сведения оказались противоречивыми. Скорее всего, школа находилась на Торговой улице (ныне ул. Союза печатников), в доме № 14 (сведения разнятся).

О детстве и школьных годах Михаила Александровича мы неожиданно узнали из газеты «Смена» от 23/XII 1992 года (газета тоже находилась в семейном архиве). Автор статьи – Николай Хомич, который, как оказалось, был соучеником Максимова по трудовой школе № 32. Приведу цитату из этой статьи:

«Автору этих строк довелось провести ряд лет в одном классе с Мишей Максимовым, дружить с ним. Это была 32-я единая трудовая школа им. П. Ф. Лесгафта. Всё здесь пропитано его идеями. Новаторский педагогический коллектив, возглавляемый С. М. Познер, ближайшей сподвижницей выдающегося учёного, умело избегал тоскливой “принудилочки”.

Учебный день начинался с физзарядки всей школы, проходил активно, заинтересованно, с оптимистическим настроем. Все ребята были вовлечены в кружки и спортивные команды. Помню Мишу в нашем большом хоре, вспоминаю его в роли городничего в “Ревизоре” и как сейчас вижу его – лучшего форварда школьной футбольной команды.

Четверги были внесены в учебное расписание как “Дни творчества”. В эти дни школьники читали стихи, из которых часто признавались лучшими строки М. Максимова, показывали “Живую газету”, выставки рисунков, поделок технического творчества. Все это воспитывало художественный вкус, желание лично создавать духовные ценности.

В школе часто бывали люди, на образах которых можно было учиться, “делать жизнь с кого”. Миша Максимов – высокий стройный шатен, один из лучших, учеников, находчивый и остроумный, сильный физически, добрый в товариществе – таким запомнился он в школе <...> На большой перемене он садился за старый рояль и с чувством проигрывал мелодии, к которым тогда уже

привлекало молодёжь: вальс-бостон, фокстрот, танго, музыку из оперетт... Вокруг всегда было много ребят – и к каждому тянулись невидимые лучи его обаяния...»

Видимо, уже в юности сформировались те черты Михаила Максимова, которые отличали его впоследствии. Он был человеком многообразных интересов, необычайно активный и энергичный, и к тому же – прирождённый лидер, руководитель. Его дальнейший послужной список – это в основном руководящие должности. Уже в 28 лет он возглавлял крупный ленинградский пищекомбинат. Ну, а то, что он был весёлым и компанейским человеком, могу подтвердить и я сам...

Но где же трудился Михаил Максимов после школы? По обнаруженным в другом семейном архиве сведениям мы узнали, что по окончании школы Михаил Александрович с 1925 по 1928-й работал в Ленинградском табачном тресте в качестве «ответственного исполнителя» (что означает эта должность, неясно). А в 1928-м был переведён инспектором в Ленинградский Союз потребителей обществ. Там он трудился до 1930 года. Видимо, тогда Михаил определился с выбором профессии – сфера общественного питания. Этой профессии он не изменял всю жизнь. Ну, а далее была учёба по той же специальности.

Нашлись в обнаруженных архивах копии двух дипломов Михаила Александровича. Первый – об окончании Института инженеров общественного питания. Оказалось, что в этот Институт Максимов вовсе не поступал, как мы думали, а был переведен в сентябре 1931 года из Ленинградского Института Потребительской кооперации, а туда он был, скорей всего, направлен (в 1930-м) Союзом потребительских обществ. Институт инженеров общественного питания Максимов окончил в марте 1935 года «по специальности технологической» – ему была присвоена квалификация Инженера-технолога промышленности общественного питания. Диплом был написан на тему «Торговый корпус Московского пищевого комбината», оценка – «отлично». Остальные оценки в дипломе тоже почти исключительно «отлично», в том числе по

Михаил Максимов (во втором ряду второй справа) – преподаватель курса “экономполитика”. 1932 год

Преподавателю Экономполитики
тов. Максимову
от группы МДВ №13.
24/VIII 32г.

предметам «экономполитика» (предмет стоит под номером 1) и «политэкономия» (стоит под номером 7). Всего же предметов обозначено в дипломе 33. По всем стоят оценки, значит, все 33 предмета нужно было сдавать...

Сразу по окончании в 1935 году ленинградского института Максимов был назначен директором Пищекомбината Московского р-на Ленгоснарпита (о котором он писал диплом), в этой должности он проработал до 1937 года.

В 1938-м Михаил Александрович получил второй диплом, точнее, удостоверение – об окончании в апреле 1938 года в Москве шестимесячных курсов по повышению квалификации инженеров-механиков при Учебно-курсовом комбинате Главного управления столовых, ресторанов и кафе Наркомторга СССР. Дисциплин было 10, по всем у Максимова – оценка «отлично».

После курсов он – технический директор Ремонтно-механического завода Ленглавресторана, потом Проектных мастерских Ленглавресторана, а с 1940 по 1941-й Михаил Александрович работал директором Треста столовых Дзержинского района.

Очень интересные сведения я получил от Маргариты Николаевны Куткиной. Высказала она и несколько важных предположений, прежде всего, что Максимов после института занимался оборудованием учреждений общественного питания, и, скорее всего, это была какая-нибудь фабрика-кухня. В конце 1920-х – в 1930-х годах стали строиться и популяризоваться так называемые фабрики-кухни. Кампания по строительству их имела не только практическую, но и социально-политическую цель. Первой задачей таких кухонь было обеспечение горячим питанием рабочих предприятий (фабрики-кухни поэтому строились вблизи крупных предприятий), а второй целью было освобождение советской женщины от «кухонного рабства», от домашних забот в условиях, когда женщина стала такой же «трудящейся единицей» на фабриках и заводах, как и мужчина. Но была также третья цель – изучение процессов питания и внедрение и усовершенствование оборудования для пищевой про-

мышленности. В фабриках-кухнях предусматривалась высокая механизация производства, возможность доставки готовой продукции потребителям. Фабрики-кухни состояли из производственной и торговой части. Торговая часть – это магазины полуфабрикатов, обеденные залы. А производственная часть включала в себя цех по производству полуфабрикатов, кладовые, кухни и разные другие производственные помещения. Специализация Максимова по выпуску из института была – пищевые котлы, в которых готовилась и развозилась горячая пища по предприятиям (заводам, фабрикам). Фабрики-кухни активно строились, и требовались классные специалисты для их чёткой работы. Тем более что в связи с трудностями с продовольствием в эти годы кухням не удавалось выполнить возложенные на них задачи. (Много позже, в 1960-м Михаил Александрович был директором Невской фабрики-кухни.)

Возможно, с учётом этой ситуации в конце 1937-го (Елене Михайловне было тогда 5 лет) Михаил Александрович и был откомандирован в Москву на упомянутые курсы инженеров-механиков. Вот как он сам описывает свое пребывание в Москве в письме к жене Анне Васильевне от 20 марта 1938 года. Замечу, что как всякие старые письма, это письмо не только повествует о фактах биографии Максимова, но хранит аромат и «воздух» тогдашней жизни, и потому я привожу его полностью.

(А propos – Михаил Александрович в это время болел. – Ю.К.)

«Аннушка милая!

Сегодня получил от тебя письмо. Хотя ты в нём и бодрисься, но очень оно меня расстроило, потому что я ясно представляю, как тебе, в сущности, тяжело там одной вертеться.

Я сегодня второй день выхожу, вчера был в институте на занятиях, а сегодня ходил в Московский городской комитет партии, вызывали и дали задание обследовать одно учебное заведение, так что до 25/III заниматься не буду, буду занят на обследовании. Сейчас хожу (второй день) в Центр[альную] поликлинику на со-

люкс, надо принять восемь-десять сеансов, чтобы ликвидировать воспаление спинных мышц. Анализ крови я сделал очень подробный, почему я тебе и писал о белокровии, т.к. нашли 56% гемоглобина (норма 85-90%). Дело это поправимое, но нужно время и питание. А т.к. это доступно, то уверен, что справлюсь с этим. В Ленинград думаю приехать в первой декаде апреля, постараюсь быстро выполнить дипломный проект (ввели у нас и такой в связи с присвоением звания инженера-механика). По окончании, очевидно, все слушатели будут распределяться Наркоматом и главком с окончательным утверждением ЦК партии. Понятно, что при назначении будут учитываться подготовленность, успеваемость и прочие показатели, так что я считаю необходимым закончить учебу с хорошими показателями. Вообще на курсах руководство и преподаватели персонально ко мне относятся очень хорошо, и курсы сами по себе дают очень много. Ну, а поскольку я пойду работать на новую работу, поставлю условием об удовлетворении жилищных требований. Теперь это можно ставить крепче и солиднее. Во всяком случае, с Пряжильным переулком надо расстаться в кратчайший срок.

Я получил письмо от Александра Поликарповича (24/III), он собирается снимать дачу в Луге. Я просил его позвонить тебе и присмотреть что-нибудь и для нас. Я считаю, что ехать надо именно в Лугу, это чудесное место, ты ему позвони, его телефон Красноармейская АТС К 233-51. На днях, числа 26/III вышлю тебе 250-300 р., а потом сам приеду. Я себе здесь хочу купить только ботинки, и больше [нормально – ? (нрзб.) – Ю.К.] мне ничего не надо – и тебе кое-что.

Друг ты у меня единственный и хороший. У меня душа болит, что я сейчас вам не помогаю, и Алёнушка [дочь Лена – Ю.К.] это чувствует. Я решил, материально надо нам, конечно, теперь иначе жить, а то очень уж убого получается. Теперь у меня в этом направлении должно быть лучше. Кроме работы пойду обязательно на преподавательскую работу, о чем уже договорился с Ленинградским техникумом [Ленинградский техникум пище-

Крым. Ливадия. 1932 год

вой промышленности. – Ю.К.]. Ну, и проектную работу можно будет брать любую. Но все это можно делать не в нашей нынешней комнате, ты понимаешь, а следовательно, начинать надо с этого. Вообще энергии у меня сейчас в десять раз больше, чем было, вот немножко подремонтируюсь, и все будет в порядке. Осталось мне в Москве быть двадцать-пятнадцать дней, так что скоро вернусь. Вообще же я считаю, что, поехав на эти курсы, я поступил абсолютно правильно, т.к. у меня сейчас подготовка стала солиднее, и направление работы [повернулось в нужную – ? (испорч.) – Ю.К.] и спокойную сторону.

Почему Лапка мне немножко не напишет, я так радуюсь её писулькам. Поцелуй ее, милую нашу. Как она себя ведет, слушается ли вас?

Завтра в Институте будет выступать с сообщением И. Д. Папанин (о концентраторах, которые готовил им наш Институт).

Ну, пока всем, Аннушка. Крепко целую тебя и Лапку. Привет маме.

Пиши, милая.

Твой Миша.

20/III 38 г.»

Сколь ответственными были эти курсы и сколь ответственна и важна была в те годы для государства сфера деятельности их выпускников, становится понятно из строк, что назначением выпускников на должности ведал Наркомат (по нынешнему – министерство), а потом ещё следовало утверждение в ЦК партии...

Кое-что мы узнаём из этого письма и по части семейного жилищного вопроса, что Михаил Александрович хотел добиться улучшения жилищных условий для своего семейства (используя свои связи и должностные ресурсы). Ему это удалось. По словам Елены Михайловны, по возвращении папы из Москвы, в том же 1938 году Максимовы переехали в дом 6 на площади Коммунаров (см. выше), недалеко от Театральной площади. Это тоже была коммуналка, ещё больше прежней – здесь обитало 9 семей (!), а в Прядильном было четыре семьи. Но здесь у

Максимовых было уже две комнаты, точнее – одна, но разделенная самодельной перегородкой – и обе комнаты были больше прежней. До войны Леночка училась в 35-й школе, а после войны – в школе № 240, которая находилась на канале Грибоедова. Леночка ходила в музыкальную школу, что и ныне существует на Садовой ул., в доме 32, на втором этаже (с 1950-го – Музыкальная школа им. Р. М. Глиэра). Закончила она её в 1950-м.

У Леночки была в те годы подруга Жанна. В июне 1941 года (а именно – 22 июня) они вместе были в Петергофе. Сохранилось фото Леночки с Жанной, сделанное тогда на фоне фонтанов.

Упоминается Жанна, в частности, в письме Леночки к матери, которая была в командировке в Москве. Это тоже 1941 год. 10 мая. Леночке 9 лет. Она закончила второй класс.

Елена Михайловна прислала мне скан этого письма, сопроводив такими строками:

«Еще могу добавить, что читать я начала рано, мама мне приносила из библиотеки книги, я любила их читать сидя под столом. Я закончила второй класс, мама была в Москве в командировке. И у меня сохранилось письмо к ней».

Вот это письмо Леночки к маме в Москву. Май 1941-го. Маленький комментарий к нему: Мумик, Пупик – ласковые имена, которые Леночка дала родителям. «Бабуля» – мама Анны Васильевны Максимовой – Ефросинья Павловна Солодовникова, уже упоминаемая мной.

«Здравствуй, дорогой мумик!

Пишу тебе второе письмо, первое отправила с бабулей.

Сегодня было отлично за изложение. Вчера у меня были Наташа и Жанна.

Рассказывали друг другу разные смешные истории. 21-го мая пойду с бабулей в Новый ТЮЗ на «Сказки Пушкина». [Пупик] купил мне полное собрание сочинений Пушкина (6 томов) и Гоголя. Я немножко почитала «Мертвые души». Немножко прочитала и мне не понра-

вилось. Смешно только про Плюшкина и хорошие смешные картинки. Сейчас читаю «Руслана и Людмилу». Отличникам будут выдаваться подарки. Приезжай скорее, чтобы не опоздать на школьный вечер. Поищи в Москве для меня что-нибудь интересное.

Целую тебя и обнимаю.

До свидания. Алёнушка.

10/V 41 год».

Любопытный момент – Леночке не понравились гоголевские «Мертвые души», что совсем не удивительно. Стоит ли детям в 9 лет читать такого рода произведения? Да и позже в школе не многие дети поняли, что это за вещь. Я знаю это из своего опыта. Я после школы перечитывал «Мертвые души» не однажды, и только в зрелом возрасте стал постигать и красоту, и иронию, и смысл, и силу написанного...

А вот ещё сведения о Михаиле Александровиче из письма Елены Михайловны: «...папа очень любил шахматы и иногда садился решать задачи – дома был толстый том шахматных задач; со мной иногда играл, но в шашки».

Не обходили семью Максимовых перипетии того сложного времени. Когда я осторожно спросил про это у Елены Михайловны, то получил от неё такое письмо:

«Подробности, достоверные на сто процентов. Когда начались раскрытия преступлений («тройки», «черные вороны» и т.п.) – мама мне позже про это рассказала – она и папа, возвращаясь с работы домой, никогда не заходили во двор, если у ворот стоял чёрный ворон. Однажды пришли за папой, но он был в это время в Москве на учёбе. Видимо, письмо из Москвы этого периода я и нашла недавно и сканирую его, скоро пришлю [*это письмо 1938 года тоже приведено выше.* – Ю.К.]. Пришли – и, никого не найдя, ушли. Больше папу не искали. Это я тоже отлично помню. Когда папа вернулся из Москвы, мы переехали в большую коммунальную квартиру, которую отобрали (не мы, конечно) у профессора математики Янчевского (он был поляк, наверное, судя по фа-

Здравствуй, дорогой мужик!

Пишу тебе второе письмо,
первое отправила с Бабулей.
Сегодня было отлично за из-
ложение. Вчера у меня были
Наташа и Жанна. Расска-
зывали друг другу разные
смешные истории. 21²⁰ мая
пойду с Бабулей в Новый ТЮЗ
на „Сказки Пушкина.“

купил мне полное собрание со-
чинений Пушкина. (6 томов.)

милии). Дом напротив Никольского собора. Здесь у нас уже был полный «люкс» – одна комната метров 10, тонкая стенка, которую до нас сделали, и вторая комната 15 метров. Комнаты были и смежные, и отдельные [*т.е. смежно-изолированные, как теперь говорят.* – Ю.К.]. Это тоже был «люкс». В квартире жили 20 человек, по тем временам – не так много. В «большой» комнате висел портрет главы НКВД Ежова, я не знала, разумеется, кто это такой, но имя помню. Однажды папа вернулся с работы, убрал Ежова и вставил в раму фото Ленина. Что-то они с мамой обсуждали, но я тогда не поняла. Потом началась война. Перед уходом на фронт папа вынул портрет Ленина и вставил репродукцию портрета Пушкина (написанного Тропининым, он хранится в Музее-квартире поэта на Мойке, если не ошибаюсь). При этом он сказал – делаю это на всякий случай. Так и сказал».

Маленькие комментарии к рассказу. Насчёт будто бы жившего в квартире на Никольской площади профессора математики Янчевском – это неточно, просто бродили недостоверные слухи. То есть Янчевский Аркадий Иванович в доме действительно жил, но был он не математик, а юрист, присяжный поверенный, юрисконсульт Азовско-Донского коммерческого банка и пр., и пр. (сведения из адресной книги «Весь Петроград» за 1917 год).

А вот насчёт «20 человек в коммуналке – это не так много» – Елена Михайловна права. Мне лично и много позже, в 1980-х годах встречались коммуналки, где жило 40 человек и более. Насчет двух смежно-изолированных комнат – Елена Михайловна пишет (и говорила мне по телефону), что перегородка была дранковая, «самодельная». Значит, по документам это была, скорее всего, одна комната (примерно 25 метров), поделённая на две самими жильцами. Хотя в то время такие перегородки нередко устанавливало само домоуправление официально, заселяя каждую комнату как самостоятельную.

Очень интересный факт в биографии Елены Михайловны и Михаила Максимова – как и в истории блокадного Ленинграда – пребывание семейства в бомбоубежище в подвалах Эрмитажа. Об этом рассказывается и в упомянутой мной книге Кудрявцевой. Да и Елена Михайловна вспоминала этот факт время от времени.

В подвалах Эрмитажа не просто прятались, там жили. Жили и дети, и взрослые – в основном художники, архитекторы, учёные. Подвалы, созданные Растрелли в середине XVIII века, были необычайно прочны и просторны. Со временем туда были проведены отопление и водопровод. Поэтому там можно было и прятаться от бомбёжек, и спокойно жить и работать в течение длительного времени.

Так для Леночки началась война – с ухода отца на фронт и с переселения в подвалы Эрмитажа.

Когда копаешься в старых документах и воспоминаниях, постоянно происходит пересечка прошлого и настоящего – вот и Елена Михайловна, делая экскурс в прошлое и говоря о подвалах Эрмитажа, соотносит это с нашими днями.

Вот её письмо ко мне от 2015 года. Кстати, оно – образец того, как шли поиски фактов и сведений, как одо «цепляло» другое.

«...Когда мы переехали в бомбоубежище под Эрмитажем, я запомнила нашего соседа по нарам – художника Николая Васильевича Дыдыкина (потом скульптора – это его Пушкин стоит во дворе квартиры-музея на Мойке), он часто разговаривал с мамой. И, конечно, помню директора Эрмитажа Орбели – он постоянно проносился по бомбоубежищу. Я недавно написала в Эрмитаж письмо с просьбой прислать мне какие-нибудь документы о том, что мы там жили. Но я не просто изложила просьбу, но, как могла, описала своё пребывание в блокадном эрмитажном бомбоубежище. Уже на третий день получила ответ и справку о нашем там проживании – какие нары мы занимали, номера пропусков. Потрясающая оператив-

ность! Этот свой первый документ я получила благодаря сотруднице Эрмитажа Наталье Анатольевне Сидоровой. Но я хотела найти ещё один документ, подтверждающий моё пребывание в блокадном Ленинграде уже после того, как в ночь под Рождество, в адский холод, нас всех выселили из бомбоубежища, так как его начало заливать водой. Я подумала, что в Интернете есть много материалов о папе и “Синем платочке” (правда, все они повторялись в том или ином виде). И тут вспомнила имя и фамилию главного редактора фронтовой газеты в начале 1942 года, где папа был военным корреспондентом (Волховский фронт). Он иногда его упоминал в письмах. Фамилия была легко запоминающаяся – Иван Душенков. Начались поиски в Интернете, всё время меняла ключевые слова, и спустя пару месяцев меня озарило – утром встала, бегом к компу, написала новый вариант слов и получила цитату – “3 марта 1942. Сегодня приехал из Ленинграда фургон, в нём лейтенант Максимов привёз свою семью, отправляет её в Череповец”. Мы много месяцев (точнее – долгих 30 месяцев) провели в эвакуации, большую часть – в деревне Данское. Там я училась в школе. Потом в Череповце. Там закончила 4-й класс. Из Череповца и из Данского у меня хранятся школьные похвальные грамоты...

Но кто же назвал точную дату нашего прибытия на Волховский фронт? Это был ленинградский писатель Павел Лукницкий, который в войну вёл дневник и записывал про все встречи и события буквально ежедневно. Его дневники – в Интернете. Итак, у меня уже были необходимые мне документы. Но я стала продолжать поиски, связанные с “Синим платочком”, и дальше. До приезда сюда, в Болгарию, у меня была и первая пластинка, и первая открытка с папиными словами, но при переездах многое затерялось, сохранились только несколько фото и три стихотворения... И вот тогда при этих поисках я попала на информацию, что открытка есть в Российской национальной библиотеке (РНБ) в Петербурге. Я написала в библиотеку, Ваша коллега передала моё письмо Вам, Вы моментально отозвались и прислали

мне открытку, написав, что самой открытки в библиотеке нет, но пересылаете её изображение...»

Просьбой Елены Михайловны о присылке документов и поиском их в архиве Эрмитажа занялась научный сотрудник Эрмитажа Наталья Анатольевна Сидорова. А о сопровождавшем просьбу письме Елены Михайловны, в котором она рассказывала о своём пребывании во время Блокады в эрмитажных подвалах, Наталья Анатольевна поведала главному советнику генерального директора Эрмитажа Михаила Борисовича Пиотровского – Юлии Зораховне Кантор. Письмо очень её заинтересовало. Очевидно, от неё о письме узнал и сам Михаил Борисович и тоже очень заинтересовался им. Михаил Борисович тогда вёл многолетний документальный сериал на канале «Культура» – «Мой Эрмитаж». В одном из сюжетов Михаил Борисович рассказал об этом письме (оно сейчас «висит» на сайте Эрмитажа). Между тем, Елене Михайловне, как блокаднице, через организацию Россотрудничество в Болгарии была предоставлена возможность посетить Петербург. Поездка состоялась в праздничные майские дни 2012 года. Разумеется, одним из визитов в Петербурге был визит в Эрмитаж. Там Елена Михайловна увиделась и с Юлией Кантор, и с Натальей Сидоровой. Причём Юлия Зораховна, беседуя с гостями, всё время держала включённым диктофон. Беседовала Елена Михайловна и с Михаилом Борисовичем Пиотровским. Потом была передача на радио «Эхо Москвы» с ведущими Майей Пешковой и Юлией Кантор, передача на «Радио России – Санкт-Петербург», где с Еленой Михайловной беседовала Анна Всемирова.

Елене Михайловне очень хотелось посетить эрмитажные подвалы, те помещения, где она провела блокадные месяцы в 1941-1942 годах. Теперь в подвалах был устроен блокадный музей. Правда, посетителей пускали не во все помещения. То сводчатое помещение, в котором жила девочка Лена Максимова, было закрыто. Замок на его двери открывал для Елены Михайловны лично зам. директора Эрмитажа Владимир Юрьевич Матвеев. Он с

Юлией Кантор и Натальей Сидоровой сопровождал гостью в этой экскурсии.

Елена Михайловна плодотворно провела время в родном городе. Была на параде 9 мая на Дворцовой площади, присутствовала на торжественном концерте в зале «Октябрьский». Много было других событий.

Между тем, письмо Елены Михайловны на сайте Эрмитажа увидела писательница Татьяна Александровна Кудрявцева. Она работала в это время над книгой о детях Блокады и решила неожиданный сюжет включить в неё. Потом она написала Елене Михайловне в Болгарию, уточнила кое-какие детали. Так они «виртуально» познакомились, общались потом по телефону. Елена Михайловна была в курсе проблем с изданием книги.

Историю с письмом Елены Михайловны в РНБ, с открыткой я описал выше. Там я только упомянул петербургскую писательницу Татьяну Александровну Кудрявцеву и её книгу «У маленьких войны не бывает», вышедшую в 2015 году в издательстве «Акварель». Упомянул я и рассказ «Леночка», который посвящён Елене Михайловне Петровой-Максимовой и её пребыванию в эрмитажных подвалах. Рассказ небольшой, поэтому я решил привести его здесь целиком. Я бы привёл и всю книгу, если бы позволило место. Книга прекрасная, советую её прочитать. Она сопровождается рисунками участников и свидетелей событий тех лет.

ЛЕНОЧКА

Леночка считала, что они живут в бомбоубежище. На самом деле это были подвалы Эрмитажных дворцов. Великие архитекторы, которые возводили дворцы, всё продумали на века – не только парадные залы. Подвалы предстали сейчас перед людьми как подземное царство со старинными арками и проёмами. А главное, подвалы имели несокрушимые своды, поэтому легко могли превратиться в убежища. И для картин, и для людей! Люди обжили это пространство как сумели: окна заложили

2012 год. Санкт-Петербург. В подвалах Эрмитажа.
С Еленой Михайловной – Юлия Кантор и зам. директора
Эрмитажа – Владимир Матвеев. Фото Натальи Сидоровой

кирпичами, навесили железные двери, быстро сколотили топчаны (это нары такие, где спят). Топчаны громоздились повсюду. Самые лучшие места были в нишах. Но ниш на всех не хватило. Топчан Леночки и мамы под номером 620 и бабушкин, 619-й, стояли в проходе между нишами. А по потолку змеились толстые и тонкие трубы. Тепло от труб, конечно, не шло, ведь ничего не работало. Но разглядывать эти хитросплетения было интересно.

В бомбоубежище Леночку с бабушкой и мамой папа привёл. Он записался в добровольцы и попал на Волховский фронт. Сначала был помощником командира в стрелково-артиллерийском батальоне. Папа храбро воевал, ему быстро присвоили лейтенантское звание и направили работать во фронтовую газету. Газета называлась очень правильно: «В решающий бой» Вот именно, что папа был в решающем бою.

Сначала их бомбоубежище располагалось со стороны Невы. Входить надо было в первую дверь налево, после Зимней канавки. Но в реку часто попадали бомбы замедленного действия. Вся земля от них колыхалась. В том бомбоубежище стало опасно, велели перейти в другое. Бабушка, мама и Леночка медленно побрели – переводиться. Завернули с канавки к Дворцовой площади... и тут... Раскалённые осколки снаряда как посыплются им под ноги! Едва успели отскочить. А Атланты не успели, одного из них фашисты ранили! Кирпичные крошки из портика краснели на снегу, как капли крови. Атлантам никуда отсюда не убежать, они же гранитные, стоят и держат на плечах небо. Эти исполины очень нравились Леночке. Они настоящие стражи!

А зимой, в очень холодное время, они тогда с подружкой катались во дворе на ледяной дорожке, да, точно, совсем перед Новым годом, подвальный люд выставку посетил. Конечно, одеты все были не по-праздничному, кто в фуфайке, кто платком обмотан, кто шарфами, то есть в самое тёплое, что у кого было, – но это не самое важное. Самым важным были картины. Их архитектор Никольский написал во время блокады. Выставка откры-

лась в третьем бомбоубежище, где он жил. Стоять – сил ни у кого не было. Сели кто куда. Художник тоже при-
мостился на стуле. А на сиденья и подлокотники кресла
положил картины и сказал:

– Буду показывать!

Все начали рассматривать его творения. На них Не-
ва была запечатлена, моряки, яхта «Полярная звезда», а
ещё эрмитажные залы и подвалы. Люди сразу узнали
свои бомбоубежища и восторгались. Никольский и себя
изобразил: как он склонился над чертежами, а над ним –
свод. На своде надпись, не по-русски, по латыни: «Не
трогай мои чертежи!» Это великий древний грек сказал,
Архимед. Он был учёный и изобретатель. В один не пре-
красный час греков захватили римляне. И когда один из
вражеских воинов занёс над Архимедом меч, Архимед
ему спокойно так: «Не трогай мои чертежи!»

И мы Гитлеру примерно это сейчас «говорим». Ко-
гда выставки, проводим и праздники. У нас и студень, и
оладьи бывают. Студень варят из столярного клея, а ола-
дьи поджаривают на олифе. Оладьи, правда, из карто-
фельных очисток, но вку-усные! А клей с олифой на-
шлись, потому что в музее ремонт хотели делать как раз
перед войной...

Жаль, Рождество отметить вместе не смогли. Нака-
нуне этого дня в подвал вбежал директор Эрмитажа – его
все знали и любили. Имя у него трудное, а фамилия –
Орбели. Очень красиво звучит, как танец с саблями. Ор-
бели – академик, а не эвакуировался. Со своим музеем
остался, ценности спасал и людей. Орбели вбежал и за-
кричал:

– Быстро собирайтесь! Бомба попала в водопровод.

Люди высыпали на морозную улицу.

Скоро с фронта приехал Леночкин папа и забрал
свою семью в Волхов, там его фронтовая газета выходи-
ла. Потом переправил их на Большую землю, в Черепов-
ец.

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА ПЕТРОВА

Леночкиного папу звали Михаил Александрович Максимов. Он был очень одарённым человеком: писал стихи, пел. Говорят, музыкальный слух имел абсолютный. Именно он сочинил слова песни, которую в войну знали все-все. Песня называется «Синий платочек». Её пела Клавдия Ивановна Шульженко. Она приехала как раз на Волховский фронт, а лейтенант Максимов, познакомившись с ней, подарил этот текст. Помните: «Строчит пулемётчик за синий платочек, что был на плечах дорожных...» Наверняка папа и про свою семью думал, когда складывал песню.

Елена Михайловна живёт теперь в Болгарии. Однажды она прислала письмо в Эрмитаж, вспоминая блокадную зиму, проведённую в музейных подвалах. Я долго перечитывала эти строчки. И много других воспоминаний прочла про героические бомбоубежища Эрмитажа. Героическими их сделали люди. Художники Вера Милюткина, Вячеслав Пакулин, Василий Кучумов запечатлевали блокадный город. Будущий академик и будущий директор Эрмитажа Борис Борисович Пиотровский завершал серьёзный научный труд – о древнем государстве Урарту, открытом его экспедицией ещё до войны. В 1946 году он получил за это Сталинскую премию. А архитектор Лев Александрович Ильин успел написать прекрасную книгу «Прогулки по Ленинграду», с собственными иллюстрациями. Лев Ильин погиб во время бомбёжки в декабре 1942 года на Невском проспекте... Все эти люди были соседями Леночки по эрмитажным подвалам.

Свой альбом академик Александр Сергеевич Никольский так и назвал: «Собрание рисунков, сделанных в 3-м бомбоубежище Эрмитажа частью с натуры, частью по памяти во время осады Ленинграда осенью и зимой 1941 года». Первые Арки Победы он вычертил тогда же. Когда в городе Нюрнберге судили фашизм, академик Орбели тоже выступал на суде. И в качестве документа привёл рисунки академика Никольского. Это были не просто

произведения искусства, но настоящие «свидетели обвинения».

Вот такой интересный, захватывающий рассказ...

10.

Перед войной Михаил Александрович, как рассказывали его родные, сменил несколько мест работы. На фронт он уходил с должности директора Треста столовых Дзержинского района. Но на этом сведения обрывались.

О Михаиле Максимове военной поры сохранилось несколько больше документов, фотографий, писем, его авторских публикаций, чем от мирного времени. В основном это касается истории с написанием слов к «Синему платочку». Но где искать материалы о военной службе лейтенанта Максимова? Мы знали, что Михаил Александрович ушёл на фронт добровольцем, хотя имел «бронь» (то есть защиту от призыва в армию), и что он воевал на Ленинградском и Волховском фронтах.

Мы долго с Еленой Михайловной думали, как быть. Обращаться в военные архивы, архивы военкоматов? Это всё равно что искать иголку в стоге сена. И вдруг пришла мысль – наградные листы! Максимов имел несколько военных наград, а к наградным листам обязательно прикладывается биография того, о ком ходатайствуют перед начальством о награждении. Эти листы найти в архивах было нетрудно. И поиски увенчались успехом.

В наградных листах боевой путь Максимова описан относительно подробно. Привожу справку к наградному листу медали «За отвагу» – сентябрь 1943 года:

«Капитан МАКСИМОВ М.А. в армии с 26 июня 1941 г. С июля по сентябрь 1941 г. – помощник командира отдельного артиллерийско-пулемётного батальона 1-й отдельной горно-стрелковой бригады. Участвовал в боях в период июль-сентябрь на участках Шимск-Новгород-Чудово-Любань-Мга-Синявино. 14 августа легко ранен в Новгороде. Дважды контужен: под Шумом и Вороновым. Неоднократно возглавляя бригадную разведку, ходил в расположение врага под Синявиным и Мгой. С группой

Это зарисовки архитектора Александра Сергеевича
Никольского, который тоже жил в эрмитажном бомбоубежище.

На этом рисунке – подпись Никольского,
а слева надпись:
(Ленинград 1941. Сбитый вражеский аэроплан)

бойцов комендантского взвода отражал нападение немецких автоматчиков на КП бригады. Доставлял под огнем врага боеприпасы в село Медведь и вывозил снаряды из горящего состава под бомбежкой на ст. Люболиды.

В январе 1942 г. выдвинут на работу в армейскую газету “В решающий бой” в качестве литсотрудника. В газете вёл группу информации и работал как писатель. Много написал стихов о героях 54 армии и её боевых делах. Часть его стихов и песен получили известность за пределами армии. Песня “Синий платочек” имеет всесоюзную известность.

Большую работу капитан МАКСИМОВ ведёт с военкорами, только за последние шесть месяцев он ответил на 300 с лишним писем бойцов.

Ходатайствую о представлении капитана МАКСИМОВА за его заслуги перед газетой и за проявление высокого мужества в бою – медалью “За отвагу”.

Отв. редактор газеты “В решающий бой” майор Половинкин.

9 сентября 1943 г.»

Еще одна справка – от 1944 года, к наградному листу ордена Красной Звезды. Максимов уже начальник полевого издательства газеты.

«Капитан МАКСИМОВ М.А. в мае этого года [1944-го] назначен начальником издательства газеты “В решающий бой”. За короткий период он привёл в хорошее состояние всё хозяйство типографии, особенно автотранспорт, который после зимнего наступления требовал большого ремонта. Походная типография газеты подготовлена к любым переходам. С начала нового наступления редакция передислоцировалась шесть раз без единой задержки в пути, благодаря чему газеты выходит бесперебойно и в те же сроки, что и в обороне. Во всем этом большая заслуга капитана Максимова.

До назначения на должность начальника издательства капитан Максимов работал старшим инструктором группы информации, где также проявил себя с лучшей

стороны. Он участвовал в качестве корреспондента во всех боях, проводимых армией – под Смердыню, на Киришском плацдарме, под Любанью, Шимском, а также в районе южнее Пскова. Он одним из первых в составе батальона вступил в Любань.

Способный журналист, капитан МАКСИМОВ за время нахождения в газете написал около ста очерков и стихов о героях боёв и на темы войны. Некоторые его стихи, печатавшиеся в газете, как, например, “Синий платочек”, получили всесоюзную известность.

Первые шесть месяцев войны капитан МАКСИМОВ находился на должности помощника артдивизиона 1 горно-стрелковой бригады, принимал непосредственное участие с оружием в руках, был ранен.

Ходатайствую о награждении капитана МАКСИМОВА орденом Красной Звезды.

Отв. редактор газеты “В решающий бой” подполковник Половинкин.

5 августа 1944 г.»

А вот цитата из другой справки 1944 года к медали «За оборону Ленинграда»:

«...Участвовал в боях по прорыву блокады Ленинграда и в боях по освобождению городов Сальцы, Дно, Порхов, Рига. По расформированию 54 армии был направлен в армейскую газету 2-й Гвардейской армии. В боях в Восточной Пруссии т. Максимов неоднократно бывал в частях и подразделениях переднего края, где организовывал оперативный материал, освещал ход партийно-политической работы в боях...»

В этих справках Михаил Александрович предстал перед нами отчаянно смелым человеком, опытным руководителем и организатором, талантливым журналистом, человеком большой энергии. И как-то не верилось, что этот храбрец, выносивший снаряды из горящего поезда, этот ходивший в расположение врага разведчик, стрелок, отражавший атаку автоматчиков – это тот самый эле-

гантный, вежливый директор «Метрополя», тонкий музыкант и прекрасный собеседник, каким его описал Пётр Меркурьев. И что на фронт он пришёл из мирной профессии специалиста-кулинара – и снова вернулся к ней потом – в это тоже не верилось. Обстоятельства очень сильно меняют людей и открывают в них неведомые им самим возможности и силы...

Михаил Александрович все годы войны провёл на фронте (вообще в армии он оставался до 1946-го). И вот любопытная справка:

«НКО–СССР
Ежедневная
красноармейская газета
“В РЕШАЮЩИЙ БОЙ”
№ 169.
12 декабря 1944 года
Адрес:
Полевая почта 06158

СПРАВКА

Выдана капитану Максиму Михаилу Александровичу в том, что он за время службы в редакции газеты 54 армии “В решающий бой” корреспондентом и писателем, за время с 31 декабря 1941 г. по 12 декабря 1944 г. отпуском по семейным обстоятельствам не пользовался.

Ответственный редактор
Подполковник Половинкин.»

Сохранился в архиве приказ по редакции газеты, где Максимов состоял корреспондентом, по случаю праздника Красной Армии (23 февраля). В приказе отмечены заслуги капитана Максимова.

«ПРИКАЗ
№ 6.

Волховский фронт. 1942 год.
Слева направо: Евгений Евган,
Михаил Максимов, неизвестное лицо

ПО РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ “В РЕШАЮЩИЙ БОЙ”

23 февраля 1944 г.

Действующая Армия.

В день 26 годовщины доблестной Красной Армии отмечаю самоотверженную боевую работу коллектива редакции газеты “В решающий бой”, содействующего своим трудом нашим наступающим частям. Начальники отделов – майоры ПОДКУРОВ П.М., БРИЖАНЬ С.И. обеспечили хорошее руководство литсотрудниками и освещение боевой деятельности войск и партийно-политической работы в бою, а сотрудники – капитаны МАЯКОВ В.В., ПЕТРОВ А.И., ГОЛОВ К.Н., МЫЛЬНИКОВ Н.Н., БАРСУКОВ Ф.Д., МАКСИМОВ М.А., ЕВГАН Е.Н., старший лейтенант НИКИТИН П.И. дали для газеты много ценных материалов.

Большую работу провели по обеспечению бесперебойной работы материально-технической базы типографии ст. техник лейтенант РОМАНОВ А.В., ст.техник лейтенант РОМАНОВ А.В. и мл.лейтенант а/с КУЗЬМИН Н.Я.

<...>

Ответ. редактор

подполковник

/Половинкин/»

Скудные сведения о Максимове находим в воспоминаниях его друга-однополчанина, писателя Александра Баргэна. Эти воспоминания опубликованы.

Военных писем папы у Елены Михайловны сохранилось около двадцати. Они – чисто бытового характера. Тогда письма с фронта просматривала военная цензура, часто даже ставился штамп «Просмотрено военной цензурой» – я встречал эти штампы на военных письмах – так что никаких особо любопытных сведений в письмах лейтенанта Максимова мы не найдём. Единственное – все они пронизаны удесятеренной нежностью и лаской к дочке, к жене. Но что томило солдата на фронте? Конечно, тоска по дому, по родным.

Вот одно из ранних писем Максимова – к дочке Леночке. 1 декабря 1941 года.

«Дорогая моя любимая доченька-лапочка. Нежно тебя обнимаю. Я думаю и уверен, моя ласточка, что ты будешь умницей и маму слушаешь и бабулю. Пупочка, если будут стрелять, ты не бойся, а сиди потихоньку дома и делай свои делишки. Очень о тебе и мамочке дорогих скучаю.

Напиши мне с мамулей, солнышко, письмишко. Не забывайте вашего папулю, который вас крепко любит.

Обнимаю и целую тебя. Поцелуй мамулю и бабулю.

Твой пупик.

1/IX 41».

На следующий день, 2 декабря 1941 года, Михаил Александрович пишет жене:

«...Ежедневно с нетерпением ждём почту, так приятно, когда получаешь письмо и газеты. В “Ленинградской правде” стараемся вычитать всё. Газеты для нас здесь большое утешение. Снегу у нас уже много и морозит, правда легкий мороз, надо бы покрепче этак градусов на 30-35. Немцы кутаются в одеяла, занавески и прочее ворованное барахло. Мы же одеты отлично, ждём дня и часа, когда будем гнать их с родной земли русской. В общем, Аннушка, живу мыслями и надеждой обнять вас поскорее дорогих, если приведёт судьба...»

А вот письмо, написанное год спустя, когда Леночка с мамой уже жила под Череповцом:

«...Дорогая моя Елена Михайловна! Ты, я вижу, уже совсем большая умная девочка и обо всем рассуждаешь правильно. Я ведь тебя год не видел и ты, конечно, и выросла за это время, и стала прелесть какая девчуша [*так в подлиннике – Ю.К.*]. А мальчишкам, которые тебя обижают, я, конечно, надаю, когда приеду, за то, что обижа-

ют мою маленькую ленинградочку. И ещё очень я жалею, что ничем тебя не мог порадовать ко дню твоего рождения <...> Я все смотрю на твою фотографию, где вы сняты с Жанной, и такие вы смешные обе и хорошие, и у тебя, конечно, завязан пальчик и носочки на туфельках как всегда сбиты <...> Я тебе пришлю свои стихи с картинками дяди Жени [художник Евгений Евган. – Ю.К.] про смешные похождения Климата Смекалкина <...>

P.S. А стишки ты пиши обязательно, у тебя очень хорошо получается. Я писал их, когда мне было 6 лет.

Ещё обнимаю и целую тебя тысячу миллиардов раз и ещё один раз...»

Как писала Елена Михайловна в приведённом мной письме, в конце февраля 1942 года Максимов вывез свою семью из Ленинграда. Конечным пунктом эвакуации намечался город Череповец, но по дороге была остановка в Волхове, где находилась редакция газеты «В решающий бой», в которой Максимов служил корреспондентом. Приезд в Волхов отметил, как мы знаем, в своём дневнике Павел Лукницкий (3 марта). Сам он как раз в это время направлялся в Ленинград по делам. И вот какой любопытный разговор состоялся у него с Михаилом Александровичем:

«— А вы тоже поедете? — спрашиваю я лейтенанта Максимова.

— Нет, больше не поеду. Пробыл там семь дней и закаялся.

— А что, беготни много было?

— Да не в беготне... А ходишь-ходишь каждый день, аж есть потом не захочется — такая картина. Лучше бы не смотреть на это. Ну, право, выдержать невозможно, такая картина!..

Лейтенант этот — из красноармейцев, здоровяк, нервы у него крепкие. Но то, что представляется там, в Ленинграде, взору приезжего, выше самого вольного воображения. Ужасы Ленинграда никто и никогда не изобразит с той реалистичностью, какая была возможна в лите-

ратуре всех времен и народов. Слова не произнесутся. Перо не напишет».

Но судьба хранила семейство Михаила Александровича – как и его самого. Елена Михайловна рассказывала мне, что находясь в подвалах Эрмитажа, однажды узнала, что в их квартиру на пл. Коммунаров попал снаряд. Он не взорвался, но пробил пол и застрял в квартире на 2-м этаже. Семейство поэтому смогло на некоторое время в неё вернуться, когда эрмитажные подвалы стало заливать водой.

А во время пребывания в Волхове семейство остановилось в доме, где помещалась редакция. 6-го или 7-го марта на товарном поезде Максимов смог отправить семейство в Череповец. А вскоре он написал маме, что после их отъезда в дом, где была редакция и где они прожили три дня, попала бомба. К счастью, в этот момент там никого не было, никто не пострадал.

11.

Письма Михаила Александровича передают атмосферу его фронтовой жизни.

2 октября 1942 года:

«...У нас уже глубокая осень, дожди, сырость, ждем снега и зимы, вторая зима на фронте. Ну, да ничего, больше времени уходит, ближе к концу войны. Эту зиму вы уже будете зимовать с более ясной и близкой перспективой светлых дней <...> Я себе сейчас не представляю даже, как живут в домах, городах, сидят на стульях, спят на кроватях. Череповец мне покажется городом-гигантом и даже ваша деревушка чем-то очень значительным. Я помню, как ты всегда смеялась, какие это стихи я пишу за столом. А вот ведь пришлось писать всерьез, на земле, на пнях, ящиках, на чем угодно, только не за столом. Да, страшная штука жизнь. И для тебя она

*ПЕТЕРГОФСКИЕ
ФОНТАНЫ 1941*

Леночка Максимова (справа) и её подруга Жанна
в Нижнем парке Петергофа.
Фото сделано 22 июня 1941 года.

обернулась неожиданно – жизнь в деревне, труд колхозный. Ну, ничего, всё в жизни годится...»

8 февраля 1943 года:

«...Новостей у меня нет, завтра еду в часть и пробуду, видимо, долго. Вести идут отовсюду хорошие, услышите и о нас... Настал год большой войны, скоро ударят и союзники, и тогда Германия расползётся по всем швам скорее, нежели мы думаем... Я ещё немножко не оправился, трудновато только ходить...»

[Максимов был ранен подо Мгой. – Ю.К.]

А вот отрывок из письма от 10 ноября 1943 года дочке Леночке:

«...Письмо твое, доченька, получил. Я давно тебе не писал, и ты на меня в обиде. Ты, дочка, за меня не беспокойся, на войне всякое бывает. Я очень рад твоим школьным успехам и отличным оценкам. Это твой последний год в деревенской школе. Война скоро кончится и опять пойдешь в свою старую школу в Ленинграде. Она цела, хотя в нее попало несколько снарядов.

У нас уже выпал снег и холодно. Для нас это хорошо, а для фрицев плохо. Бывают ли у вас какие-нибудь газеты и читаешь ли ты, как немцев везде лупят?

В Ленинграде уже мальчики и девочки учатся в отдельных школах. Это очень хорошо. Не знаю, какая будет твоя старая школа: для мальчиков или для девочек. Ты, конечно, стала совсем большая девчушка за время войны. А я стал седой и худой. И еще выше. Ну, да после войны будем поправляться.

Еще раз тебя прошу – за меня не беспокойся, учись и делай свои дела-делишки.

Обнимаю и целую тебя

Твой папка...»

Что касается корреспондентской службы Максимова, то во фронтовых газетах у него были сотни публикаций – отчётов с фронта, статей, стихов. К сожалению, газет времён Великой Отечественной сохранилось очень мало, и ныне найти их трудно. Только малая часть их попала в архивы, остальное оказалось утерянным, а единичные редкие экземпляры покоятся в чьих-то старых письменных столах. Даже в огромных фондах петербургской Российской национальной библиотеки (где я служу), фронтовых газет нет. Первую публикацию текста «Синего платочка» Максимова мне найти так и не удалось – я воспользовался сведениями писателя Бирюкова о посещении им в Москве редактора военной газеты «За Родину!» Александра Львовича Плюща, у которого в домашнем архиве хранился номер газеты со стихами Максимова. Это было уже в 1950-е годы. Плющ тогда был главным редактором газеты «Неделя».

Из фронтовых произведений Максимова у Елены Михайловны сохранилось только три стихотворения, и то потому (повторюсь), что они были присланы Максимовым в письмах. Одно из них – «Дочке» 1942 года.

ДОЧКЕ

Получил сегодня папа
Поутру твое письмо,
И хоть дождик мелкий крапал,
Стало ясно и тепло.

Много папам милых строчек
Пишут дети цап-царап,
Очень много славных дочек
Ждут своих хороших пап.

И дождутся! Очень скоро,
Не во сне, а наяву,
Ты в родной вернешься в город
В раскрасавицу Москву.

Папа твой к тебе вернётся –
Расцелует-обоймёт,
Помни детка! Тот дождётся,
Кто, как ты, папулю ждёт.

Елена Михайловна рассказывала, что очень тогда плакала, прочитав про Москву: «Не хочу в Москву!» А недавно обнаружила папино письмо, в котором тот объясняет дочурке, что написал он про Москву для рифмы. В письме был новый вариант:

Ты в родной вернёшься город,
На красавицу Неву.

Второе стихотворение, сохранившееся у Елены Михайловны (1941 года) – «Воспоминание» – я приводил чуть выше (на стр. 25-26).

А вот и третье стихотворение – 1943 год:

Я получил вчера твоё письмо.
Родные мысли, дорогие руки...
И снова мне поведало оно,
Как вдалеке считаешь дни разлуки.

Что ждёшь меня и не устанешь ждать,
Но приписала всё же между строчек,
Как ты меня хотела б повидать
Хотя бы на единственный часочек.

Но разве мы имели бы с тобой
Обнять друг друга радостное право
Доколь последний не умолкнет бой
И не свершится над врагом расправа.
И я тебе письма не напишу,
Пока своею собственной рукою
Хоть одного врага не задушю
И в землю, как собаку, не зарюю.

ДОЧКЕ

Получил сегодня папа
Поутру твое письмо,
И хоть дождик мелкий крапал
Стало ясно и тепло.

Много папам милых строчек
Пишут дети цап-царап,
Очень много славных дочек
Ждут своих хороших пап.

И дождутся! Очень скоро,
Не во сне, а на яву,
Ты в родной вернешься в город
В раскрасавицу Москву.

Папа твой к тебе вернется —
Расцелует — обоймет,
Помни детка! Тот дождется,
Кто как ты папулю ждет.

Михаил Максимов

Как-то Елена Михайловна, выйдя на скайп, сообщила мне, что нашла рассказ (она тут же мне его переслала), как Михаил Александрович вскоре после войны приехал с фронтовыми друзьями в Москву. Это был результат долгих «ползаний» Елены Михайловны по ресурсам Интернета. На портале «Непридуманные рассказы о войне» она нашла письмо москвички Евгении Алексеевны Боровиковой с воспоминаниями о том, как вернулся с фронта ее отец – Алексей Васильевич Боровиков. Неожиданно в этом рассказе мелькнула фамилия Михаила Максимова! Но не только – рядом с нею была фамилия друга и однополчанина Максимова – художника Евгения Евгана! Вот это письмо:

«...Это небольшое воспоминание о моём отце написала моя племянница, Маша Алексеева, два года тому назад, к 65-летию Победы. Но мой отец – не один такой, их миллионы, не доживших до нашего времени. Военное поколение уходит. И нам нельзя забывать этих замечательных людей!

Мне хочется еще кое-что добавить, вспомнить тот день, когда они – солдаты войны – вернулись домой! Вот только тогда для нас действительно кончилась война – 9-10 ноября 1945 года! Мы ждали их со дня на день. Волновалась наша огромная коммунальная квартира на Покровке – ведь в каждой семье кто-то воевал. Все суетились; из кухни распространялись ароматные запахи чего-то печеного: там было жарко и вкусно. Я волновалась особенно (ведь был мой День рождения – 8 ноября), а я испортила красный флажок, написав на неё серебристой краской «27 лет Октябрю». И плакала – мне было стыдно.

А они не приезжали...

И вдруг всё изменилось. Они вернулись! Приехали практически все в один день! И наша маленькая 12-ти метровая комната заполнилась людьми, запахами, громкими разговорами, смехом, воспоминаниями, стихами и песнями. Они были молодые, красивые, еще здоровые и веселые. Им казалось, что они никогда не наговорятся.

Им хотелось рассказать друг другу всё и сразу. А мы – дети – вертелись среди них, путались у них под ногами, слушали их и были счастливы.

А вот и они – мой отец; дядя Женя – отец моей сестры Ирины; Арсений – наш дядя; друзья и однополчане дяди Жени, которые для нас были просто дядями – дядя Миша, дядя Витя, дядя Ваня. Приходили и еще друзья, которых я даже не знала. Было шумно, тесно и весело. Все они ушли на фронт добровольцами. И вот вернулись!

Мой отец – Боровиков Алексей Васильевич, связист Особого полка связи Второго Украинского фронта. Дошел до Берлина, а потом до Праги. Умер 9 мая 1965 года в день двадцатилетия Победы, в возрасте 52 лет.

Дядя Женя – Евган Евгений Николаевич – художник-карикатурист журнала «Крокодил», воевал на Волховском фронте, Белорусских фронтах, в Прибалтике. Умер в 1948 году в возрасте 43 лет, прожив после войны всего 3 года.

Дядя Миша – Максимов Михаил Александрович, автор «Синего платочка», который исполняла Клавдия Шульженко; друг и однополчанин дяди Жени.

Дядя Витя – Васильев Виктор Григорьевич, художник-карикатурист журнала «Крокодил», друг и однополчанин дяди Жени. Он и похоронен рядом с дядей Женей. Умер в 1956 году в возрасте 52 лет.

Дядя Ваня – Семенов Иван Максимович, художник-карикатурист журнала «Крокодил», народный художник СССР. Воевал на севере в военно-морских частях. И все они умерли молодыми, в далекие теперь советские времена...

До наших дней дожил только Арсений – Забродин Арсений Савельевич, участник четырех войн: Гражданской (куда сбежал еще семнадцатилетним мальчишкой), финской, Великой Отечественной и японской. Он умер в 1994 году, не дожив двух месяцев до 93 лет.

...Они одни из тех, кто защищал в боях нашу Родину, наши жизни, наше будущее. Они отстаивали свободу. Вечная им память!..»

(world-war.ru/nasha-zhizn-nevozmozhna-bez-pobedy).

В архивах, помимо наградных листов, сохранились краткие сведения о перемещениях гвардии старшего лейтенанта, потом гвардии капитана Максимова во время войны. Уже после неё, в 1945-м, он побывал в Восточной Пруссии, в начале 1946-го служил в Бакинском военном округе. (Этот район Азербайджана, граничащий с Ираном, в те годы в некоторых документах и в быту – фотографии, анкеты – называли Ираном. Там располагались 44-я и 47-я общевойсковые армии. В мае 1946-го Бакинский военный округ был расформирован.)

Демобилизовался Максимов в 1946-м. За время войны он был награждён двумя орденами: Орденом Отечественной войны 2-й степени и Орденом Красной звезды – и четырьмя медалями: «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга», «За отвагу», «За победу над Германией».

Такова военная биография Михаила Максимова.

13.

После войны Михаил Александрович вернулся, как уже говорилось, к мирной своей профессии, возобновил работу в системе общественного питания. Но если до войны он работал по своей непосредственной специальности инженера-технолога по оборудованию в различных предприятиях общественного питания и лишь перед самой войной перешёл на административные должности, то после войны он исключительно эти должности и занимал (администратор, управляющий, зам. директора, директор). Его организаторский талант не раз отмечали начальствующие органы. И в коллективах, которыми он руководил, Михаил Александрович пользовался неизменным уважением – и не только как организатор. Ведь Максимов не был обычным назначенцем, он был специалистом, настоящим профессионалом в своём деле. Это располагало коллектив. Одновременно Михаил Александрович вёл преподавательскую работу.

О гражданском периоде жизни Максимова после войны немного поведал в воспоминаниях Пётр Меркурьев (см. выше). Тогда Максимов работал в системе Треста ресторанов. Так он и оказался администратором (Пётр Меркурьев называет его директором) ресторана «Метрополь». Но вот выше я вспоминаю, как племянница Максимова, Зинаида Игнатьевна, рассказывала мне, что в середине 50-х, будучи совсем юной, она приходила к дяде на Витебский вокзал. Михаил Александрович работал там в привокзальном ресторане, но в качестве кого – она не помнила, «может, администратором, может директором». Я стал искать архивные и разные другие документы по вокзалам. Узнал, что в 1940-50-е годы существовало учреждение под названием Контора буфетов Октябрьской и Ленинградской железной дороги (официальное название). Возможно, Максимов после Треста ресторанов служил в Конторе буфетов, и, скорее всего, занимал там какой-то руководящий пост. Елена Михайловна и Зинаида Игнатьевна обе вспоминали, что Михаил Александрович работал ещё в ресторане «Нева» на Невском, 46 (ныне ресторана здесь уже нет). Но когда это было, они точно сказать не могли. Наши поиски буксовали. И тут снова помог «господин великий случай».

Однажды я наткнулся в Интернете – причём наткнулся случайно, в поисках чего-то совсем другого – на интервью известного нашего российского журналиста, долгие годы проработавшего в качестве генерального директора в агентстве ИТАР-ТАСС – Виталия Никитича Игнатенко. В интервью он рассказывал о своей жизни и, в частности, о том, как после окончания факультета журналистики в середине 1960-х пробовал себя в разных специальностях – для приобретения жизненного опыта. Он выбил командировку в Ленинград (а он – москвич) и устроился официантом в ресторан «Нева»...

И вот фрагмент из рассказа Виталия Никитича.

«... Я и палубным матросом был на танкере, и учителем в ПТУ. Потом нанялся официантом. Сейчас это не считается зазорным – ну, работает в обслуживании человек, тем более в ресторане!.. Здорово! А тогда это счита-

У ресторана “Нева” .
Середина 1960-х годов

лось... ну что вы!.. в партию их не принимали, на общественно-политические мероприятия никогда не звали... И мне окунуться в это хотелось, посмотреть – ну почему их так унижают?.. Я в Ленинград направление “натаранил”, поехал на практику. Так оказался в ресторане “Нева”, в качестве официанта.

Как-то я обратил внимание на нашего администратора зала – человека с грустными глазами. Спрашиваю у коллеги – что у вас администратор такой грустный? А он: «Понятия не имею, мол. А вот знаете, что он автор песни “Синий платочек?” – Я даже поперхнулся: “Как?” – “Да-да-да. Михаил Александрович Максимов”. Я, честно говоря, не знал этого, не поверил. И в один из свободных дней помчался в библиотеку...

Когда вернулся в Москву, я написал статью, что вот в Ленинграде работает такой человек – администратором в ресторане “Нева”!.. Говорили мне: ты открыл это имя! Никто ведь про него не знал ничего, не помнил. К счастью, про эту публикацию узнала в Москве Клавдия Ивановна Шульженко. Она мне позвонила и стала спрашивать про Максимова: как он выглядит? как живет? И выяснилась трогательная, невероятная история. Клавдия Ивановна вместе с оркестром Владимира Коралли гастролировала на Волховском фронте, это был 42 год, апрель. Жуткие были там бои. Она в госпитале для раненых пела старую песню “Синий платочек”. Эта песня чуть не народной считалась, она исполнялась много еще до войны, ну – шлягер такой. Автор её Ежи Петербургский – был такой хороший композитор. Слова Галицкого. Она пела песню со старыми словами, а Максимов, который был тогда корреспондентом фронтовой газеты, она попросила после концерта: вы можете написать новые слова? И он за несколько дней написал новые слова. 9 апреля песня была впервые исполнена – и зажила своей жизнью – отдельной жизнью. Я у Клавдии Ивановны спрашивал: почему такая популярность? С одной стороны – “Вставай, страна огромная!” с ее коваными, словно из бронзы выкованными словами и – такая лирика: “Синий платочек”, “Землянка” или “Спят курганы тёмные”. Утраты

Виталий Никитич Игнатенко

невероятные, а человеческое существо тянулось к мирной жизни, в надежде, что она вернётся и всё будет хорошо. В Москве я долго бегал потом вот по какому делу... Есть такая организация ВУОАП – Всесоюзное управление по охране авторских прав. И всё их умолял – ну какой-то гонорар выделите Максимову, ведь столько его песня исполняется. А у него не было ни авторских прав, ничего не было... По-моему, мне удалось...»

Да, Игнатенко удалось помочь Максиму, причём не только благодаря личным хлопотам, но и с помощью статьи, написанной им в том же 1968 году по материалам своей практики в ресторане «Нева». В архиве Максимова мы нашли газету «Комсомольская правда» с этой статьёй. Правда, она посвящена не Максиму, а официанту ресторана Рудольфу Егорову и практике Игнатенко в этом учреждении. Статья так и называется «Официант». Но в ней говорится и про Максимова. Оказалось в архиве и письмо из ВУОАП, направленное после статьи Михаилу Александровичу на адрес ресторана «Нева» (!), где он тогда работал. Оказывается, Михаил Александрович зарегистрировался в ВУОАП ещё в 1945 году, когда служил в армии, но потом утерял с агентством связь. Вот письмо из ВУОАП, привожу его полностью:

«...тов. МАКСИМОВУ М. А.

Замдиректора ресторана “Нева” г. Ленинград.

Уважаемый Михаил Александрович!

В июле 1945 г. Вы зарегистрировали в ВУОАП текст песни “Синий платочек”, за публичное исполнение которой Вы, как автор текста песни, получали гонорар.

Впоследствии Вы потеряли деловую связь с ВУОАП и, видимо, по этой причине не получали гонорар. Мы неоднократно пытались разыскать Вас, но безуспешно.

И вот недавно в газете “Комсомольская правда” от 14 ноября 1968 г. был напечатан очерк В. Игнатенко “Официант”, где, в частности, говорится:

“...в “Неве” работает заместителем директора скромный и очень интересный человек – Михаил Александрович Максимов... Этот человек в своё время написал слова песни “Синий платочек”.

Поскольку эта песня и сейчас исполняется в концертах и за её исполнение поступает авторский гонорар, Вы должны перерегистрировать песню. Для этого предлагаем Вам заполнить регистрационные бланки (см. приложение) и прислать их нам в ВУОАП.

Ждём ответ.

С уважением (подписи)»

В семейном архиве нашлись и поздние уже платёжные документы 1990 года по поводу гонораров Максимова за исполнение песни «Синий платочек» в зарубежных странах (Венгрии, Болгарии, Швейцарии). Очевидно, песня исполнялась по радио или телевидению, потому что Клавдия Ивановна к тому времени уже умерла (в 1984-м).

Михаил Александрович, как видим, упорно скрывал свое авторство, и Игнатенко был одним из немногих, кто прознал про его «тайну».

После статьи Игнатенко 1968 года, наверное, могла состояться встреча Михаила Александровича с Клавдией Ивановной, о возможности которой он говорит. Нам с Еленой Михайловной очень интересно было про это узнать. Но прямых сведений об этой встрече мы пока не находили. Виталий Никитич ничего об этом тогда не рассказал и не написал. В архиве мы ещё нашли письмо 1968 года к Михаилу Александровичу от редактора отдела газеты «Советская Россия» Рафаэля Ивановича Мяскова, где подтверждается, что Максимов с Шульженко до этого времени не встречался:

«Михаил Александрович!

А еще у меня есть к Вам просьба: напишите мне <...>, при каких обстоятельствах родилась песня “Синий платочек”, кто автор музыки, немного о себе, Вы знаете, что мне нужно.

Я жду Вашего письма. С Шульженко я встречался. Она тоже очень хочет повидаться с Вами. Я беру на себя организацию этой встречи.

Ещё раз со всеми майскими праздниками.

Р. Мясков

29/IV – 68»

А вот отрывок из письма Мяскова Максимова уже 1974 года:

«Несколько лет тому назад мы с Вами встречались в ресторане “Нева”. Я сопровождал гостя из Румынии. Вы нам рассказывали о том, что написали стихи-песню “Синий платочек”. Я встречался с К. И. Шульженко. Она была поражена, что Вы не даёте о себе знать...»

Однако вот Николай Хомич в упомянутой статье 1992 года о песне «Синий платочек» бросает такую фразу: «Особо радостными были его встречи с К. И. Шульженко, с которой оказался так тесно связан его “звёздный час” – создание песни “Синий платочек”».

Хомич близко знал Максимова, был его другом детства – могла ли его подвести память? Возможно, Максимов виделся с Шульженко сразу после войны. Но потом они явно больше не встречались. Эти факты наверняка были бы известны. Не слыхал о такой встрече и сын Клавдии Ивановны, Игорь Владимирович Кемпер, с которым Елена Михайловна общалась позже.

О возможной послевоенной (в 1940-х годах) встрече Максимова и Шульженко написала Елене Михайловне и сотрудница студии «Александра Васина-Макарова», техсекретарь и фотограф Елена Владимировна Васильева. У нее сохранился отрывок из интервью Михаила Александровича, рассказ о послевоенной встрече с Шульженко и чтение им своего стихотворения. А второе стихотворение, которое она начитала перед видеокамерой и прислала, нам с Еленой Михайловной не было известно («Узе-

лок»). Стихотворение же, прочитанное Максимовым, оказалось вариантом уже нам известного.

Но вот письмо Елены Владимировны Васильевой:

«Елена Михайловна, здравствуйте. К огромному сожалению, печатный вариант стихотворения найти так и не смогла. Перерыла всё что можно, но два тоненьких листочка как испарились. У меня сохранилась видеозапись, где я читаю это стихотворение на студии. Отправляю вам текст, снятый с видео. Он точно соответствует бумажному варианту.

Стихотворение в оригинале называется “Узелок”.

УЗЕЛОК

Уходил на войну на неведомый срок.
Подарила мне милая белый платок.
Шитый лёгким узором хороший платок.
В уголке завязала тугой узелок.

”Для того завязала, – промолвила мне, –
Чтобы помнил о милой своей на войне.
Чтоб никто, кроме нас, не посмел и не смог
На дарёном платке развязать узелок.

А вернёшься домой, как закончишь войну,
Я и встречу тебя, и тебя обниму.
Обо всём расспрошу, и в глаза погляжу,
И сама на платке узелок развяжу.

С той поры прошагал я немало дорог,
И храню, берегу на платке узелок,
Что в тот памятный вечер
Над быстрой рекой
Был завязан при встрече
Родною рукой”.

М. Максимов. Июль, 1943 г.

Потрясающее совпадение у Маргариты Агашиной в стихотворении “Подари мне платок”. И ритмика и размер, и дыхание... Она-то точно “Узелок” не читала. Как это происходит, непостижимо...

[Привожу для сравнения стихотворение Агашиной – Ю.К.]

ПОДАРИ МНЕ ПЛАТОК...

(Ивану Данилову)

*Подари мне платок –
Голубой лоскуток,
И чтоб был по краям
Золотой завиток.*

*Не в сундук положу –
На груди завяжу,
И что ты подарил –
Никому не скажу.*

*...Пусть и лёд на реке,
Пусть и ты вдалеке.
И платок на груди –
Не кольцо на руке.*

*Я одна – не одна.
Мне тоска – не тоска,
Мне и день не велик,
Мне и ночь не горька.*

*Если ж в тёмную ночь
Иль средь белого дня
Ни за что ни про что
Ты разлюбишь меня –
Ни о чём не спрошу,
Ничего не скажу.*

*На дарёном платке
Узелок завяжу.*

Подари мне платок...]

[Отрывки из интервью с М. Максимовым:]

М. Максимов (о песне “Синий платочек”): “Я написал эту песню за одну ночь. На второй день, повинуюсь, как говорят, законам военного времени, всё было готово. Быстро надо было писать. Времени-то раньше не отводилось специального, чтобы творческое вдохновение ждать”.

М. Максимов: “Когда мы встретились с К. Шульженко, уже после войны, она меня спросила: “”Михаил Александрович, а что же вы не пишете больше ничего? А я ей ответил, что написал всё, что можно, на войне””.

Корреспондент: Может быть, вы всё-таки прочитаете что-нибудь из военных лет?

М. Максимов: “Ну, вот у нас был такой Володя Тарновский, танкист, командир танка. Я приехал к нему в бригаду, но вместо того, чтобы увидеться с ним, увидел около землянки накрытого простынёй Володю. Я вернулся в редакцию, убитый горем, и написал вот эти строки:

Да, здесь лежат они,
Друзья военных лет,
Товарищи мои,
Кого сегодня – нет.

Кто ел древесный хлеб,
Курил болотный мох.
От чёрной гари слеп,
И от разрывов глох.
И не чужой слышал,
А свой последний вздох.

Кто в женщине любой,
Не стать, не красоту –
Искал от дорогой
Хоть малую черту.

Кто от смертей и ран
Берёт одни портрет.
Хранил, как талисман,
Хоть талисманов нет.

Не верил, что умрёт,
А если и умрёт,
То в дальний свой черёд”.

Это всё, что мне пока удалось найти...»

Михаил Александрович слукавил, говоря, что после войны больше не писал стихов. Видимо, и в разговоре с Шульженко сработала его патологическая скромность. Но значит, они всё же с Шульженко видались. Когда? Отсутствие подробных сведений об этой встрече казалось нам странным.

И тут – снова «господин великий случай». И снова – Виталий Никитич Игнатенко. В только что вышедшей (М., 2016) его мемуарной книге «Со мной и без меня» он рассказывает о своей работе с Максимовым в ресторане «Нева». Упоминает он в книге и свою практику в ресторане «Нева» в 1968 году. Но самым неожиданным и важным в книге – для нас с Еленой Михайловной – оказался рассказ о встрече Максимова и Шульженко! Вот цитата из книги...

«”Комсомолка” вышла, появились в редакционной почте отклики. Много хороших, но были и критические, что, мол, не о ком писать, кроме официантов? Как мог советский журналист, даже работая официантом, брать чаевые? А в ресторанной сфере – неожиданный для нас, газетчиков, восторг и благодарность. Мы с женой – не прикидываюсь – не так часто навещались в такие предприятия общественного питания, но тогда пошли. И весь стол был заставлен подарочным шампанским, просили автографы...

Потом и это прошло.

Но вдруг – звонок, по моему телефону 253-30-56, естественно, рабочему, о домашнем мы только мечтали...

Шульженко! Клавдия Ивановна!

“Я прочитала вашу статью. Как там Максимов? Хотела бы его повидать... Он бывает в Москве? Ах нет... Ах, телефона у вас нет... Хорошо. Вы можете меня сопроводить в Ленинград, я хочу его видеть”.

Редакция приобрела Клавдии Ивановне Шульженко и мне билеты на “Красную стрелу”.

В купе “СВ” она была одна. Я где-то там, рядом. Клавдия Ивановна была грустна и величественна. Для меня, молодого журналиста, конечно, всегда была честь просто говорить с ней, а тут еще случай помог найти для народной певицы дорогого, как я понял, для неё человека.

В ресторане “Нева”, куда я сопроводил Клавдию Ивановну, они и встретились.

Шульженко и Максимов.

Издали я поглядывал в их сторону. Они долго сидели в дальнем углу ресторана...

Время было раннее, посетителей еще не пускали. Да, думаю, если бы зал был и полон, никто не помешал бы их встрече...

Потом я долго бился, чтобы М. А. Максимова хоть какие-нибудь авторские насчитали за десятилетия звучания “Синего платочка”...

Но это уже, как говорится, другая история...»

Материалы Игнатенко оказались весьма интересными и для нас важными (думаю, и для многих читателей тоже). Теперь мы знаем, что встреча двух известных людей состоялась, и было это в конце 1968-го или начале 1969 года. Спасибо Виталию Никитичу. А вот были ли ещё встречи у Максимова с Шульженко, нам узнать не удалось.

Две поправочки, однако, мы вынуждены внести в текст интервью Игнатенко – слова к песне «Синий платочек» Максимов написал не за несколько дней, а, как сообщал его друг Бартэн (да и сам Максимов) – за одну ночь, как некогда Руже де Лиль свою «Марсельезу». И

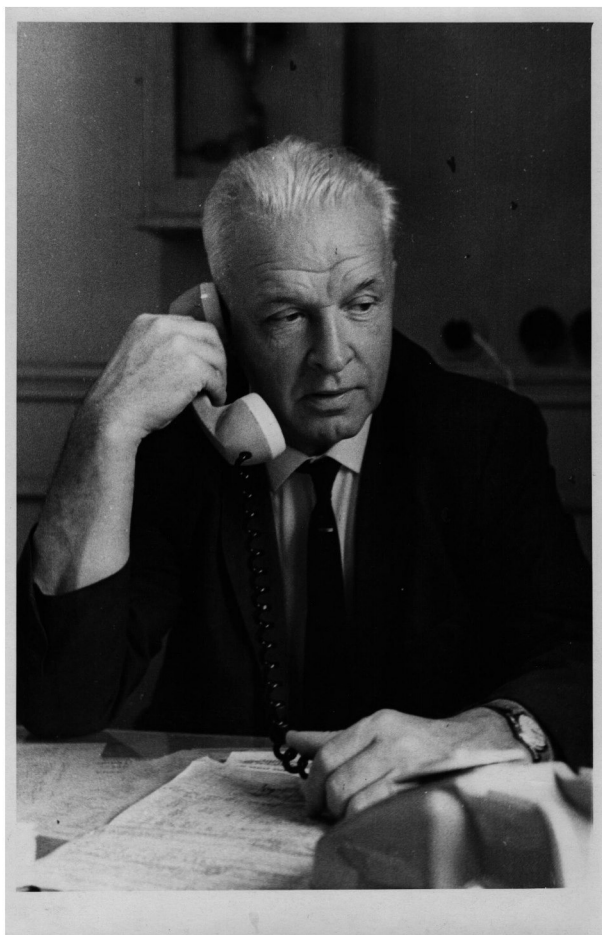
еще: в конце интервью Игнатенко сожалеет, что Максимов рано скончался, но Михаил Александрович прожил после рассказанной Игнатенко истории ещё почти четверть века...

Вот так известность всё время пыталась «исподволь прийти» к капитану в отставке Максиму при его жизни – но так и не пришла. Он сам упорно её отторгал.

14.

Много деталей послевоенной биографии Максимова поведали нам найденные семейные архивы. В 1940-х годах Михаил Александрович был откомандирован на работу в одно из предприятий Министерства авиационной промышленности, потом преподавал на Высших торговых курсах (ул. Чехова, 6). В 1960-х работал директором Невской фабрики-кухни. В архиве сохранилось поздравление коллективу кухни от Ленинградского техникума общественного питания. Вскоре Максимов стал администратором ресторана «Нева». Помимо этого он преподавал в Институте советской торговли (Кузнечный пер., 9). Маргарита Николаевна Куткина, которая училась в этом Институте у Михаила Александровича, называет ещё два адреса, куда она в разное время ходила на занятия – Думская ул., 1/3 (тут помещался Техникум общественного питания) и В.О., Косая линия, 26, угол Большого проспекта, где позже была фабрика-кухня и ресторан «Балтика». С 1964 года и до сих пор (2016) Институт размещается на Новороссийской ул., 50. Ныне это – Санкт-Петербургский государственный торгово-экономический университет. В 1970-х Михаил Александрович на базе ресторана «Нева» организовал Высшие кулинарные курсы (не путать с Высшими торговыми, где он преподавал в 1940-х) и стал их директором, преподавал, рецензировал дипломные проекты. Маргариту Николаевну Куткину он пригласил туда в качестве преподавателя.

Максимов печатал научные статьи, участвовал в сборниках. Одну из его статей в журнале «Советская торговля» мне предоставила Маргарита Николаевна. Это

1970-е годы

1970-е годы. Михаил Александрович поднимает в статье вопрос о возможности военных заводов изготавливать бытовые товары высокого качества, поскольку ресурсы и качество материалов на таких заводах несравнимо лучше, чем на фабриках по производству чайников, ножей и вилок. В каком-то смысле инженер-технолог Максимов затрагивает вопрос о конвертации военного производства – а ведь об этом заговорили лишь лет 15 спустя, во времена «перестройки». Статья написана живо и с немалой долей юмора (мы приводим ее в Приложении).

Сведений о работах Михаила Александровича по кулинарии в семейных архивах оказалось немного. Маргарита Николаевна Куткина говорила, что он работал в паре с Николаем Ивановичем Ковалёвым, известным специалистом по истории русской кухни. Книги Ковалёва «Рассказы о русской кухне», «Русская кулинария» и многие другие до сих пор являются настольными и у специалистов, и у любителей кулинарии.

В блокнотах Максимова то и дело встречаются заметки по кулинарии.

В 1960 году Михаил Александрович делает в блокноте запись о планах издания книги по кулинарии, которую он собирался писать в соавторстве с мастером-поваром С. Н. Ковригиным. Издавать книгу планировалось в издательстве Госторгиздат:

ПРОСПЕКТ

Производство мясо-рыбных полуфабрикатов в предприятиях общественного питания.

Авторы:

Инженер-технолог Максимов М. А.

Мастер-повар Ковригин С. Н.

Редактор Куденцов Н. Д.

Издательство: Госторгиздат. Москва, 1960.

[*притиска внизу:*]

Новое в теме:

Выделить!

1). Дефлостация (охлаждение мороженого мяса).

Постепенность.

Результаты:

48 ч. + 8;

16 ч. + 18;

(сумма времени на дефлостацию и из чего она складывается).

Была ли написана эта книга, была ли она издана – неизвестно. Следов её мы не нашли.

В архиве оказались три письма Максимова и Ковалеву из издательства «ЭКОНОМИКА». Одно – по поводу готовящейся брошюры «Эстетика в общественном питании», которую Михаил Александрович писал вместе с Ник. Ивановичем Ковалевым. Два письма относятся к сентябрю 1970 года. Интересно, что письмо Максимова послано не на домашний адрес, а на адрес ресторана «Нева».

«18/IX 1970 г.

Ленинград, Д-11

Невский пр., 46. Ресторан “Нева”

тов. Максимова М. А.

Уважаемый Михаил Александрович!

Надеюсь, что наша с Вами предварительная договоренность о написании Вами и Н. И. Ковалёвым брошюры “Эстетика в общественном питании” остается в силе. Поэтому прошу определить точный срок представления рукописи. Для того чтобы рукопись могла быть включена в план выпуска литературы в 1972 году, она должна быть представлена Вами до 1-го сентября 1971 года. Прошу Вас также уточнить и переработать проспект (замечания редакции направим Вам в ближайшие дни).

Благодарю за гостеприимство и любезно оказанную Вами помощь в приобретении ж.д. билета, которым к сожалению я не смогла воспользоваться.

Зав.редакции

А. Толмачева»

Второе сохранившееся в архиве письмо послано в тот же день Н. И. Ковалёву – во-первых, по поводу его учебника “Технология приготовления пищи”, а во-вторых по поводу упомянутой брошюры.

«18/IX 1970 г.

Ленинградская обл., г. Пушкин. Железнодорожная ул., д. 44, кв. 56, тов. Ковалёву Н. И.

Уважаемый Николай Иванович!

Рукопись Вашего учебника “Технология приготовления пищи” по предложению УУЗ’а редакция направила на дополнительное рецензирование в Московский техникум общественного питания. На основании этой рецензии управление выдаст нам гриф. Как Вам известно, обстановка складывается так, что издавать учебник мы будем, очевидно, в 1971 году. Поэтому если у рецензентов будут какие-либо замечания, доработку рукописи Вам нужно будет произвести в самые сжатые сроки.

Тему “Эстетика в общественном питании” пока условно включила в план на 1972 год. Все будет зависеть от срока и качества представленной рукописи. Замечания редакции по проспекту вышлю в ближайшие дни. Проспект безусловно нужно переработать, сделать его более содержательным и подробным. Ситуация с этой на мой взгляд очень нужной работой Вам известна. В связи с этим пока будем ориентироваться на М. А. Максимова. В дальнейшем, я полагаю, все нормализуется.

Прошу М. А. Максимова заполнить бланк “Предложение автора” (его первую страницу) и личную карточку автора. Эти документы пришлите в редакцию. Это можно сделать одновременно с переработанным проспектом.

Ещё раз благодарю Вас за ленинградское гостеприимство.

Приложение: бланки.

Зав. редакцией

А. Толмачева»

Учебник Ковалёва – это переиздание. Первый раз учебник был выпущен в 1957 году, в соавторстве с П. Д. Гришиным, но издательство было – Госторгиздат. В 1959 учебник был переиздан тем же издательством, а начиная с 1964 года его несколько раз переиздавало издательство «Экономика», причем соавтором Ковалёва была на этот раз Л. К. Сальникова. В 1970-м планировалось очередное переиздание. Последнее издание учебника состоялось в 1988 году. Любопытен тираж его – от 80 до 100 тысяч экземпляров. Сейчас, в 2010-х годах о таких тиражах и не помнят, и не помышляют...

А вот брошюра Ковалёва и Максимова «Эстетика в общественном питании», очевидно, так и не вышла. В каталогах главных наших библиотек мы ее не нашли. В архиве сохранилось еще одно письмо, лично Максимову, из редакции «ЭКОНОМИКА», датированное 1971 годом, в котором говорится о брошюре:

«Уважаемый Михаил Александрович!

Разрешите (к сожалению с опозданием) поздравить Вас с Новым годом и пожелать самого хорошего, а главное здоровья и благополучия.

Это письмо передаст Вам ст. редактор нашей редакции Н. Н. Ставицкая, которая приехала в Ленинград чтобы провести несколько дней своего отпуска. Буду очень признательна, если Вы окажете ей содействие для устройства в гостинице. Н. И. Ковалёв такую помощь нам обещал.

Прошу Вас сообщить Н. Н. Ставицкой в каком состоянии находится у Вас подготовка рукописи “Эстетика в общественном питании”. Редакция до сих пор не получила от Вас проспекта и карточки автора. Хотелось бы издать эту работу в 1972 году.

Желаю Вам всего хорошего.

С уважением

А. Толмачева

14/1-71 г.»

Судьба брошюры нам неизвестна. Видимо, книг по кулинарии у Максимова издано не было, он печатал только статьи.

15.

Поэтических публикаций у Максимова, судя по косвенным сведениям, тоже было крайне мало. Книг не выходило вовсе и, кажется, Михаил Александрович и не заботился об этом. Изредка что-то появлялось в газетах или журналах. Есть сведения (из газеты «Ленинградская правда» 1970-х годов), что некоторые его стихи читали по ленинградскому радио. Звучали его стихи и по Радио России в 2015 году.

И все же слухи, что Максимов и есть автор слов «Синего платочка» и что он живет и работает в Ленинграде, доходили до самых разных уголков России. Об этом свидетельствуют письма к Михаилу Александровичу. Письма в основном с просьбой рассказать, как создавалась песня – от любителей эстрады, из редакций газет (даже фабричных), от собирателей военных песен, композиторов, исполнителей.

«Сейчас меня интересует история с песней “Синий платочек”, автором слов военного варианта которой являетесь Вы, – пишет Максиму в июне 1984 года журналист из Магадана Борис Савченко. – О “Синем платочке” читал в книге Шульженко, в “Советской культуре” и небольшую заметку в газете “Известия”, откуда, собственно, и взял Ваш рабочий адрес. Но информация там очень уж скудная...»

Интересовался историей песни композитор Владимир Дементьев из Ташкента (письмо от 23 янв. 1969 г.). Помимо прочего, Дементьев работал в газете «Фрунзевец» Туркестанского военного округа. У них с Михаилом Александровичем завязалась, очевидно, переписка, в архиве мы еще нашли письма, открытки от Дементьева. Дементьев подарил Максиму свой песенный сборник для детей, с посвящением (тоже 1969 год).

А вот трогательное письмо, из которого непременно хочется привести солидный фрагмент. Корреспондент фабричной многотиражки Московской ситценабивной фабрики Павел Розенбаум рассказывает Максимову (это 1985 год), что при фабрике в ходе юбилейной вахты в честь 40-летия Победы «...возникла новая, добрая традиция, которая, вероятно, порадует и Вас, автора замечательного текста ставшей народной песни “Синий платочек”».

Членам бригад, которые выходят победителями очередной ударной недели, в память об этом успехе в соревновании вручается в подарок косынка – такая же, как тот песенный “скромный синий платочек”.

Одновременно по инициативе кадровых работников, ветеранов войны и труда, наших гвардейцев фронта и тыла создан и успешно действует рабковский клуб “Синий платочек”.

Члены этого клуба ведут большую следопытскую работу по установлению малоизвестных и доселе неизвестных фактов фабричной истории, героизма наших тружениц в годы Великой Отечественной войны, их большого патриотического вклада в дело победы над фашизмом.

Особое место в творческом поиске фабричных историков занимает всё то, что связано с созданием замечательной песни “Синий платочек”. Очередное заседание нашего рабковского клуба состоится в начале или середине апреля. На него нами уже приглашены композитор В. С. Левашов, составители сборников песен военного времени А. Е. Луковников, Евг. Бирюков, автор публикаций о песне “Синий платочек” полковник Ф. Д. Барсуков.

Мы понимаем, что Вам вряд ли удастся приехать к фабричным девчатам на эту встречу, хотя они были бы счастливы встретиться с легендарным автором текста легендарной песни.

Однако, наверное, несколько строк о том, как создавался ее текст, о своей военной молодости, боевом и творческом пути журналиста и поэта, думается, Вы со-

чете возможным написать коллективу орденосного предприятия. Тем более, что на этом заседании предполагается избрать Вас почётным членом рабкововского клуба “Синий платочек”...»

А вот еще трогательное письмо от некой незнакомой Максимову пенсионерки, ветерана войны, почтальона из Днепропетровска А. П. Станкевич:

«... всю жизнь я мечтала [узнать], кто же автор этой замечательной песни “Синий платочек” и все же мельком услышала от Клавдии Ивановны Шульженко, что ей слова принес молодой лейтенант Максимов, а потом все время хотелось узнать, где же? и как сложилась судьба автора этой песни [стиль автора письма], а сегодня, 17-го марта 1985 года узнала из газеты “Советская Россия”, что автор Михаил Александрович, проживает в Ленинграде, я очень рада этому и решила написать Вам, извините, иначе не могла, я тоже ветеран войны, работаю, а Вам желаю в День 40-летия Победы здоровья, счастья и долгих лет жизни. И как поэту – хороших песен.

г. Днепропетровск-10,
почтальон Станкевич А. П.
17/3 1985 г.»

Рассказы Шульженко о себе неизвестная нам Станкевич могла слышать по радио – на радио певица выступала с этим не раз. Одно из таких выступлений упоминает в письме 1966 года и старый друг Михаила Александровича (как она сама себя называет) – Раиса Родионова. Она – жительница Челябинска, но когда-то была ленинградкой. Максимову она напоминает о себе («давно не писала») и обращается с просьбой рассказать об истории создания песни. Но не для себя, а для своей дочери Аллы, студентки челябинского музыкального училища, которую друзья привлекли к работе в молодежной газете «Комсомолец»; она вела там раздел «Музыкальная шкатулка». Между прочим, Раиса пишет вот что: «...сейчас стала снова популярна Ваша песня, но никто не знает её истории (и многие не знают автора), первых исполнителей песни, автора текста. По этому поводу в редакцию посту-

пило много писем, как видно, молодёжь все эти вопросы очень интересуют...»

Возможно, интерес к «Синему платочку» ожил в связи с юбилейной датой – 20-летием Победы. Оно отмечалось очень торжественно. В этот раз впервые после 20-летнего перерыва (с 1945 года) на Красной площади состоялся военный парад в честь Победы.

Были письма несколько неожиданные. Например, от Львовской керамико-скульптурной фабрики, на фирменном бланке, очень краткое:

«21 ноября 1968 г.
г. Ленинград.
Ресторан “Нева”.
Зам. директора Максимову.

Уважаемый Михаил Александрович!

Прочитав “Комсомольскую правду” за 14.XI-1968, пользуемся случаем спросить Вас, кто написал музыку на Ваши слова “Синий платочек”.

У нас по этому поводу очень спорят.
Пожалуйста, ответьте!»

Без подписи. По-деловому.

Бывали странные послания, как, например, открытка от некой бывшей актрисы:

«2-I-1968.

Уваж. тов. директор! Если могу быть полезной в какой-нибудь работе, позв[оните] мне, куда и как приехать. Я бывш. артистка Акад. театра. Но как ни странно, имею законченное образование и опыт работы официанткой (раб[отала] в “Астории”). Говорю на 4 языках...»

Актриса, говорящая на четырёх языках, просится в официантки... Гримасы судьбы.

Письма к Максимову шли из разных городов России (Челябинска, Новокузнецка, Москвы, Магадана, Ростова)

– и не только с просьбой рассказать о песне, но и с благодарностью за помощь по части его профессии, с просьбой прислать учебники и книги по организации общественного питания в их городах или дать совет – от бывших студентов и дипломантов, от коллег-педагогов.

Но имя Максимова всегда связывают с «Синим платочком», за несколько четверостиший, написанных в 1942-м, его благодарят и благодарят. Даже если речь в письме идёт о чём-то другом. Вот поздравление с Новым годом от авиаторов (Максимов, как мы выше писали, работал одно время на авиационном заводе; правда, в качестве кого, неизвестно – военный объект):

«Лучшему другу от авиаторов тов. Максиму Михаилу Ал. за песню Синий платочек. С уважением (подписи). 25 д[ек]. 1968 г.»

Находили Михаила Александровича и бывшие фронтовые товарищи. Например, Павел Михайлович Штомпель.

«18 II 68 г.

Дорогой Михаил Александрович!

Не знаю, дойдёт ли о тебя это письмо, но я решил напомнить о себе и нашей, кажется, хорошей фронтовой дружбе. Я случайно прочёл в “Комсомольской правде” статью, в которой упомянута твоя фамилия, как автора моего любимого “Синего платочка”, который я всегда с удовольствием слушаю и вспоминаю былые времена давности четверть века. Если ты ответишь на мое письмо, то я с удовольствием опишу тебе все, что чувствую.

Сам я жив не совсем здоров – годы идут и скоро будет 56. Работаю в Ростове на должности заместителя управляющего Ростэнерго. Часто люблю твоими фотографиями и представляю тебя таким же молодым и красивым, как и прежде <...> Жду ответ с нетерпением. Целую. Твой друг Павел Штомпель».

Москва. 1970-е годы

Интересная беседа... 1970-е годы

Это бытовая часть жизни Михаила Александровича Максимова. Но часто ли он писал стихи, часто ли печатал их – и печатал ли. И чем являлись для него стихи – и вообще творчество.

Ясно, что стихи Максимов писал всю жизнь. В его стихах чувствуется явный поэтический талант и опытная рука. Но это были в основном песни. Возможно, он писал их на заказ. Вот, например, песня «Однополчане». Осталась машинописная копия с правкой самого Максимова.

ОДНОПОЛЧАНЕ

Сносила шинель моя походная.
Сносила – береги не береги...
Дела да дни житейские –
Давненько и армейские,
Кирзовые, яловые стоптал я сапоги.

Давно завёл солдат обновки штатские,
Просватался, сознаюсь, так и быть...
А вас, друзья военные,
Вас, други незаменные,
Да фронтовое времечко – до смерти не забыть!

Друзья-однополчане!
Уральцы, кировчане,
Бакинцы, москвичи, сибиряки...
Шахтёры, сталевары,
Поэты, кочегары –
Привет вам, боевые земляки!

Скупитесь вы на весточки, товарищи,
Да только, откровенно говоря,
И мне узнать случается,
Кто ныне отличается,
Что звание гвардейское носили мы не зря!
Поднять бы с вами стопку по-бывалому,

Чтоб за душу солдатскую взяла!
За ноченьки тревожные,
За подвиги колхозные,
За старые, за новые – за добрые дела!

Друзья-однополчане!
Уральцы, кировчане,
Бакинцы, москвичи, сибиряки...
Шахтёры, сталевары,
Поэты, кочегары –
Привет вам, боевые земляки!

Михаил Максимов

Написано, по разным признакам, в 1948 году (об этом чуть ниже). То, что это именно песня, говорит вторяющийся рефрен-припев. Но была ли написана музыка на эти песенные слова, неизвестно.

А вот ещё стихотворение, которое так и называется – «Песня» (очевидно, заглавие еще не было придумано). Над заглавием рукой Максимова проставлено: «Эстрада». А внизу под песней приписка почерком Михаила Александровича: «Сестры Федоровы, музыка Л. Шимкова».

ПЕСНЯ

Отцвела до срока ягода рябина
На холодной зорьке осыпает цвет...
Полюбила парня всей душой дивчина,
Полюбила парня – а ответа нет.

Кто тебя, рябина, видит-примечает,
Если расцветает яблонька в саду...
Что ж тебя, дивчина, он не замечает,
Видно, есть другая на твою беду.

Насмеялась солнце над рябиной горькой,
Всё тепло отдало в яблоненый цвет...
Не грусти, дивчина, на весенней зорьке,
Ласковому сердцу – сыщется ответ.

Тёплыми дождями прошумело лето,
Умывает осень полюшко росой...
Дождалась дивчина на любовь ответа,
И горит рябина ягодой-красой.

Михаил Максимов

14 июня 1948 г.

Сестры Федоровы. Музыка Л. Шимкова

Приписка по поводу Шимкова и сестёр Фёдоровых говорит о том, что, очевидно, песня исполнялась с эстрады. Сейчас про сестёр Федоровых мало кто помнит, разве что старожилы-любители или историки эстрады. Четыре сестры (Екатерина, Нина, Нинель и Анастасия – а с 1955-го прибавилась пятая – Галина) поначалу выступали как самодеятельный коллектив. Девушки пели а капелла (без сопровождения), и будучи уроженками одной из деревень на псковщине, пели народные песни. Руководил самодеятельным ансамблем композитор-песенник и хоровой дирижер Леонид Иннокентьевич Шимков. За несколько лет он превратил ансамбль в профессиональный коллектив. В 1948 году сестры Федоровы победили на Всесоюзном смотре в Москве, и это было началом их славы. Выступления в России и за рубежом, международные конкурсы, международные гастроли... Коллектив действительно изумителен, слушаешь старые пластинки и поражаешься мастерству певиц. Но судьба их сложилась драматично. В 1973 году одна из сестер, Нинель, выйдя замуж за своего коллегу из Ленконцерта, Дмитрия Перльмана, уехала на жительство в Швейцарию. В то время отъезд на жительство за границу было делом неслыханным, почти криминалом. Последовал начальнический запрет на выступления ансамбля, приказано было изъять и уничтожить все его фонограммы, а также изъять из продажи грампластинки с записями ансамбля...

Скорей всего, песню Максимова-Шимкова сестры Федоровы и исполняли. Однако среди многочисленных

сохранившихся записей ансамбля и в каталогах грампластинок упоминания о записи этой песни нет.

Конечно, песни Максимова – это стилизация, это так называемый «псевдонародный», «псевдорусский» стиль», родившийся еще в 1930-е годы. Но в таком стиле писали песни многие советские поэты и композиторы (Дунаевский, Соловьев-Седой, Новиков, Мокроусов и ещё многие-многие), и тут были замечательные образцы («Ой, цветет калина», «Зачем тебя я, милый мой, узнала», «Тальяночка» и мн. др.). Максимов не выбивался из этого ряда. Его стилизация и профессиональна, и проникновенна.

17.

Что из поэтического наследия Максимова имели поначалу мы с Еленой Михайловной, чтобы представить себе его творческий облик? Три стихотворения, плюс «Синий платочек». Итого четыре опуса. А сейчас у нас было более 50 максимовских стихотворений – не считая фронтовых эпиграмм, частушек, басен. Целую страницу творчества Максимова-поэта открыли найденные семейные архивы. Одной из самых неожиданных и ценных находок была тетрадь фронтовых стихов, исписанная самим Максимовым. Записи относились к 1942 году. Писаны стихи и заметки были в Д.А., то есть в действующей армии. Часто встречалась сноска: «N-ский лес». На форзаце тетради (блокнота) фронтовой друг Максимова Ан. Гитович сделал шутливую напутственную надпись: «Подарен лейтенанту Михаилу Максиму – герою нашего времени – по его настоятельным требованиям, переходящим в угрозу. 12/VI 42. N-ский лес». А ниже, уже рукой Максимова: «Михаил Максимов. Фронтовые стихи, мысли и прочее... 1942. Д.А.» В этой тетради мы даже нашли начало драматической пьесы Максимова – «Лейтенант».

Была в архиве и объёмистая тетрадь со вклеенными вырезками в основном из фронтовых газет, где были и стихи, и статьи Максимова, фронтовые «комиксы» на злобу дня. Эти вырезки, конечно, делал сам Михаил

Александрович. Были и отдельные листки со стихами – и рукописные, и публикации в газетах (тоже вырезки). Вообще стихи превалировали в архиве, что нас очень обрадовало. Хотя и личных документов, и вырезок из послевоенных газет, и фотографий тоже оказалось немало.

Во фронтовых тетрадях было много лирических стихов. Все они связаны, разумеется, с темой войны. Строки иных стихотворений прямо пронизывают, идут от души. Другие явно писаны для газеты. И во всех чувствуется рука мастера. Ни стилистических огрехов, ни спотыканий в рифмах. Рифмы порой неожиданные. Иные стихи вполне могут встать в ряд с лучшими произведениями советских поэтов.

Всё вернётся, если веришь,
Всё вернётся, если ждёшь,
Если сердцу не изменишь,
Если слово сбережёшь.

Ничего, что постарели
Мы с тобой за эти дни.
Лишь в душе б не отгорели
Наши тёплые огни.

Постарели? Ну и что же!
Все ж поспорим мы с судьбой.
Разве нужно быть моложе,
Чтоб любить, как мы с тобой?
<.....>
Только письма, только строчки...
Но разлучница-война
Над любовью нашей прочной
Оказалась не вольна.

И дождёмся нашей встречи.
Ведь затем и ждали мы,
Чтоб в какой-то добрый вечер
Вновь понять, что влюблены.

Поздравляю
Михайлу Максимову —
героя нашего времени —
по его поручению требовать
переходящий в угрозы.

Др. Гусев

12/XII 42.
Н-ский псс.

Михаил Максимов

Фронтальные стихи,
мысли, и прочее...

1942.

Ф. А.

Будучи корреспондентом фронтовой газеты («В решающий бой»), Максимов давал материал в каждый номер, причём не один материал, а сразу несколько. Некоторые корреспонденции шли без подписи, но рука Михаила Александровича сразу чувствовалась. Часто Максимов пользовался псевдонимами, видно, чтобы не мелькала бесконечно одна его фамилия. Мы с Еленой Михайловной вычленили несколько тогдашних максимовских псевдонимов – М. Булатов, М. Астраханский, М. Чечкин, просто – М.М.

Почти в каждом номере газеты появлялись стихи Максимова. Стихи он писал без конца – и в номер, и просто для себя: в лесу на пеньке, в грузовике, в случайной избе на пути. Печатались не все, многие остались только в тетради. Так что в Приложении к этой книге, где мы публикуем все найденные нами стихи Михаила Александровича, многое является первой публикацией. Публикуем мы и наброски, заметки.

Среди стихов немало песен. Иногда перед стихом так и обозначено: «песня». Иногда песенность чувствуется в самом характере текста. К песне Максимов питал особую симпатию. Он сам неплохо пел и аккомпанировал себе. В сохранившемся отрывке из поэмы (название, увы, не сохранилось) целая глава (третья – она, собственно, одна и сохранилась) посвящена песне как таковой:

Песня! От далёкой колыбели
Мы росли с тобою и выросли,
Открывали юности года...
Первые походные шинели
С песнею походною надели,
Подружив с тобою навсегда.

Несколько стихотворений имеют внизу авторскую приписку – музыка Л. Шимкова, как, например, это – 1942 года, совсем на первый взгляд не песенное:

ВОСПОМИНАНИЯ О РОТЕ

Горьковатый дымок над траншеями стелется...
Стихнул бой, только изредка бьют снайпера.
Спят солдаты в полглаза, и каждому верится,
Что сегодня они доживут до утра.
Не спеши, старшина, с запоздалым обедом,
Коротки и тревожны солдатские сны...
Каждый бой – это шаг до желанной победы,
Каждый бой – это шаг до победной весны.
Вдоль подлеска туман расстилается низкий,
Два солдата в обнимку бредут в медснабат...
Поступили из рот строевые записки,
И над ними колдует бессонный комбат.
Ранний клин журавлей, неоглядным простором
На родные гнездовья ведут вожак...
Смотрит вслед им боец затуманенным взором
И задумчиво шепчет: «Добрый путь, земляки!»
Продолжается жизнь, чтобы вновь повториться.
«Если жребий солдатский не будет жесток,
Пусть когда-нибудь мне в отчем доме приснится
Эта ночь, журавли, горьковатый дымок...»

Слова М. Максимова, музыка Л. Шимкова

Может быть, это был текст для музыкально-поэтической композиции? С Шимковым Максимов познакомился на Волховском фронте. Там и зародилась их творческая дружба. Этот творческий союз сохранился и после войны (чуть выше я, например, приводил стихотворение «Песня» Максимова-Шимкова 1948 года).

О Шимкове, также личности незаурядной, человека весьма известного в 1950-60-е годы (прежде всего обработками русских народных песен для хора и ансамбля) мы нашли сведения у профессора В. М. Сивовой. Привожу фрагменты из её сообщения:

«Шимков Леонид Иннокентьевич (1909–1986), блистательный певец (драматический тенор), исполнитель оперных партий (Герман в “Пиковой даме”, Хосе в “Кар-

мен”, Князь в Русалке”). Другим он помнится в роли руководителя Ансамбля песни и пляски, поднимавшего в годы Великой Отечественной войны боевой дух солдат на Волховском и Ленинградском фронтах. Более молодое поколение училось у него искусству народного пения в музыкальных училищах Ленинграда (имени Н. А. Римского-Корсакова и М. П. Мусоргского) Л. И. Шимков передавал ученикам живые певческие традиции, воплощением которых он был сам. Его ученицы Т. Стрелкова, А. Сапожникова, И. Коробушкина, Л. Дементьева и др. достойно продолжают на российской и зарубежной сценах уроки своего мастера.

Леонид Иннокентьевич обладал редким даром “оживления” старинных русских народных песен на эстраде. Сохраняя их яркую самобытность, он придавал песням современное звучание. Глубинное понимание народной характерности позволило ему успешно руководить популярнейшим (в 1950-е годы) вокальным квартетом сестер Фёдоровых. Его дар певца, владевшего красивым голосом открытого тембра, большим певческим дыханием и высокой вокальной техникой, помогал ему в педагогической и исполнительской работе. Незаурядные музыкальные способности дали возможность расширить её ещё и композиторской деятельностью, которая выразилась, в частности, в создании целого ряда обработок русского народного мелоса».

Но вернёмся к лейтенанту Максимову. Вот стихотворение под условным названием «Солдаты», полное режущей боли за погибших (даю отрывки) – вариант этого стиха Максимов читал во время упомянутого выше интервью:

Стоя! Здесь лежат они,
Солдаты грозных лет,
Товарищи мои,
Кого сегодня нет.

Кто видел, как снаряд
На клочья друга рвёт,

Кто лез в свинцовый град,
Кто слышал пуль полёт,

Тот, право, никогда
Об этом не соврёт...
Умевшим умирать
Нет надобности врать...

Стихотворение напечатано на машинке. Вверху стоит номер страницы – 9. Может быть, Максимов включил стихотворение в поэму, от которой нам достались только фрагменты?..

Кто в женщине любой
Не стать, не красоту
Искал от дорогой –
Лишь малую черту.
Хоть малую, но ту.

А вот ещё стихотворение:

ПИСЬМО

Получил от милой
Я письмо,
Девушки любимой...
Вот оно!
«Здравствуй, мой родимый,
Сокол мой,
Здравствуй, мой любимый,
Мой герой.
Что тебе поведать,
Что сказать?!
Жду тебя с победой,,
Не устану ждать.
И еще скажу я,
Дорогой!
Адрес мой не прежний,
А другой:

Не пиши мне больше
В город мой,
А пиши по почте
Полевой.
Стала санитаркой
Я, родной,
И вступаю в жаркий
Первый бой...»

Здесь всего лишь с помощью ритма найдена точная интонация горечи и нежности...

18.

Свой поэтический путь Михаил Александрович так описал однажды (с долей юмора):

«В детстве я сочинил стишок, безобидный ребячий стишок про кошку, мышку и косолапого мишку. Стишок понравился всем, и я читал его на нескольких утренниках, семейных торжествах, в гостях. Я был маленький славный мальчик, и мне охотно хлопали, а добрые дяди и тети говорили: “Талант! Вырастешь, будешь поэтом!” И вот я вырос...

Лучше, чем я написал про кошку, мышку и косолапого мишку... [*предположительно: “я ничего не написал” (?) – эта фраза у Михаила Александровича не закончена – Ю.К.*]. Но стихи я люблю и читаю их много в толстых и тонких журналах, альманахах, газетах, сборниках. И среди истинно хороших стихов с грустью и досадой вычитываю ох как много стишков, да, именно стишков, которые пишут бывшие славные мальчики, а сейчас взрослые дяди. Не надо!»

Особенно хорошо выходили у Михаила Александровича басни и эпиграммы. Да вот и его друг детства Хомич, статью которого я цитировал выше (стр. 29, 64), заметил о школьных годах Максимова: «...тогда он был дружен больше с эпиграммным стихом, видимо, скрывая за ним свой лиризм»... Не знаю, честно сказать, зачем нужно было Максиму скрывать свой лиризм. И скры-

вал ли он его?.. Может, Хомич имел в виду вообще скрытность своего друга?

Но тонкой иронии Михаил Александрович, действительно, не чурался даже в серьёзных своих стихах. «Улыбнуться» по любому поводу не считал зазорным. Но писал и шуточные стихи, и немало:

Жил поэт.
Поэт вполне нормальный:
Не талантливый, не гениальный,
Просто добросовестный поэт...
Сочинений полное собрание
Умещал он в боковом кармане,
(Для переизданий был жилет).
Разбирался в ямбах и хореях,
Различал героев и злодеев,
Знаки препинанья расставлял,
Состоял в литфонде и союзе,
И кормилице, капризной музе,
Всячески стараясь, угождал.
Проходил в десятилетке Фета,
Пушкина, известного поэта,
Неплохим поэтом находил.
Посещал отчеты и собрания,
И во избежанье непризнанья
Всех безоговорочно хвалил.
Был и сам хвалим неоднократно,
От души – словесно и печатно –
Теми, кого сам он похвалил...

Только у читателей упрямых,
Похвалы поэт не находил.

Басни Михаилу Александровичу хорошо удавались.

«И.О.»

(басня)

Большим хозяйством управляя,
Имел Топтыгин замом Барсука.
То был не просто зам,
А правая рука.
Запросец ли какой, бумажка ли какая –
У Барсука рука легка.

Случилось же, что в отпуск отбывая,
Медведь решил: он Барсука того
Взамен себя назначит как «и.о.»,
Что «исполняющий обязанности» значит.
Решив сию задачу,
Отбыл Медведь.
А что Барсук? согласно чину,
Потребовал себе автомашину.
И чтоб поднять авторитет,
Засел в медведев кабинет.
В приёмный час к нему Осёл явился.
«Я, – говорит, – забрёл насчёт овса.
Хожу, прошу – а толку не добился.
Так на тебя надежда вся».
«Какой такой овёс? – спросил Барсук сурово. –
С овсом вопрос, скажу тебе, не так уж прост.
Пойми, ослиный хвост –
Вопросы для меня решать не ново,
Однако твой овёс – большой вопрос.
Мне неизвестно, как Медведь
На это может посмотреть.
А вдруг нагрянет кто повыше,
Допустим, Лев – и не позволит!
Да сгоряча – бац строгача!
Или, помилуй бог, уволит!»
Осёл, бедняга, испугался,
Что без еды к зиме остался.
Решил Медведя подождать –
Не с голоду же помирать!

Мораль сей басенки легка –
Всяк, кто такого барсука
Взамен себя назначит,
Пускай напишет, что «и.о.» –
Мол, «избегающий ответственности» значит.

[М. Максимов]

Во время войны во фронтовой газете «В решающий бой» Максимов вёл сатирический уголок. С друзьями-художниками Е. Евганом, П. Пудиковым создавал фронтовые комиксы. Завёл в газете рубрику «Прикладом по черепу». Эпиграфом к ней стали строчки самого Максимова:

Каждый удар
по фашистскому зверю,
каждый поверженный враг,
каждый разбитый немецкий череп –
к нашей победе
шаг!

В рубрике появлялись его экспромты, юморески, статьи, подписи под карикатурами Евгения Евгана, басни на злобу дня.

БАСНЯ

Случилось как-то,
Что медведю
Впервые довелось
Фашиста лицезреть.
От удивления
Остолбенел медведь.
Промолвив только:
«Ну и рожа!
На что ж, сдается мне,
Она похожа?»

Спасибо белка подсказала:
«Да это, говорит,
Ариец в одеялах,
Из нашего
Звериного же рода».
«Да что ты, матушка! –
Ответствовал медведь, –
Как можно
Этакую тварь терпеть
Средь честного
Звериного народа!»

М.М.

Вот ещё две:

СРЕДИ ОБЕЗЬЯН...

(басня)

Положенное время отбрав,
Пред тем, как сытно отобедать,
Задумал Геббельс отдохнуть –
А заодно сородичей проводить.
И с целью этой
Зашел в берлинский зоопарк
(Поскольку для обеда час был ранний),
Зашел министр в питомник обезьяний.
Увидев Геббельса, представшего их взорам,
Вскричали обезьяны хором:
– Смотрите, как похож!
– И как хорош! – сказала старая макака,
Не отрывая глаз от Геббельсова фрака. –
– Совсем как мой покойный муженек,
– Не правда ль, куманек?
– Но все ж, зачем он здесь?
– Министрам здесь не место,
Уж не нужна ли Геббельсу невеста?
– Молчите, – молвил старый павиан. –
– В сужденьях ваших есть изьян.

П р и к л а д о м к о ч е р е л у

*Среди
обезьян...*

(БАСНЯ)

Положенное время отбредав,
Пред тем как сытно отобедать,
Задумал Геббельс отдохнуть—
А заодно сородичей проведать.

И с целью этой,
Завернув в берлинский зоопарк
(Поскольку для обеда час был ранний),
Зашел министр в питомник обезьяний.
Увидев Геббельса, представшего их взорам,
Вскричали обезьяны хором:

—Смотрите, как похож!

—И как хорош!

Сказала старая макака,
Не отрывая глаз от Геббельсова фрака.

—Совсем как мой покойный муженек,

—Не правда ль, куманек?

—Не все ж, зачем он здесь?

—Министрам здесь не место,

Уж не нужна ли Геббельсу невеста?

—Молчите,—молила старый павиан,

—В сужденьях ваших есть изъян,

Секрет визита разрешу я быстро:

Министр зашел проведать нас,

Чтоб знать, где скрывается в нужный час.

Средь обезьян—

Едва ли опознает кто министра.

Лейтенант М. МАКСИМОВ.

Сюрприз

Рис. красноармейца П. Пудикова.

Горит душа от алчной стра-
сти—
В посылке масло, яйца, сла-
сти?!

Прими ж, достойная подруга.
Все, что осталось от супруга!

Секрет визита разрешу я быстро:
Министр зашёл проведать нас,
Чтоб знать, где скрыться в нужный час.
Средь обезьян
Едва ли опознает кто министра.

Лейтенант М. Максимов

КОТЁНОК И ЛЕВ

Один вожак звериной хищной стаи
По кличке – Гитлер, по нутру – шакал,
По трупам взгромоздясь на шаткий пьедестал,
Презрев истории упрямые законы,
Проворно произвел себя в Наполеоны.
Ну что ж!
Похож?!
Нет, «фюрер». Бита ваша карта!
Похожи вы на Бонапарта (примите горькие слова) –
Не больше, чем котёнок
Похож на льва.
Но всё ж признаемся. С ним сходство есть в тебе.
А в чём?
В судьбе!

Лейтенант М. Максимов
9.11.41

Довольно долго Максимов печатал в газете свою шутиливую поэму «Клим Смекалкин». Он присылал дочке Леночке отрывки из неё с рисунками Евгана. Одно из писем с упоминанием таких присылок я приводил выше. Но у Елены Михайловны не сохранилось писем с самим текстом. И вот в одном из семейных архивов мы находим шесть вырезок из газеты «В решающий бой» с фрагментами из «Клима Смекалкина». Вырезки делал и наклеивал в тетрадь сам Максимов.

«Клим Смекалкин» продолжал традицию рассказов о народном герое, сметливом, неунывающем, веселом, смелом русском солдате, плоть от плоти своего народа. Смекалкина с удовольствием читали и ждали появления нового сюжета.

Традиция рассказов о таких героях шла ещё с XIX века, со времен Крымской войны, а точнее – обороны Севастополя. Тогда во фронтовой среде популярны были рассказы о матросе Кошке. Они сохранились до наших дней. Образ Смекалкина появился одновременно с самым, пожалуй, популярным народным образом Великой Отечественной – Василием Теркиным. Как раз в 1942 начала печататься поэма А. Твардовского. Но немало рождалось других таких же народных образов простых героев, сметливых и смелых – Сноровкин, Савелий Полубаков, Трофим Бомба, Остап Пуля; писатель Владимир Иванов свои фронтовые сатирические стихотворения подписывал: Боец Иван Муха – и еще, и еще. Надо было поддерживать дух у бойцов, и юмор с этим справлялся отлично. Но не только дух поддерживали рассказы о Смекалкине, Теркине, Сноровкине. Врага нужно было побеждать не только в открытом бою. Его надо было перехитрить, победить умом и смекалкой. И эти истинно народные образы поддерживали в солдате веру в неисчерпаемость своих сил.

В создании образа Смекалкина Максиму (повторимся) помогал своими рисунками художник Е. Евган. До войны, а потом и после Евган работал карикатуристом. Его острые рисованные юморески знали читатели многих газет и журналов, в том числе, например, журнала «Крокодил». Так во фронтовой газете возрождалась традиция военного народного лубка, зародившегося в эпоху Отечественной войны 1812 года и очень тогда популярного. Солдатский юмор приравнивался к штыку: «Смех – что твой штык, так же колет!»

Максимов не пытается присвоить себе лавры создателя первого народного образа смекалистого русского воина. И Теркина, и Сноровкина он приглашает в друзья.

Вот фрагмент, открывающий публикацию поэмы.
Это 1942 год.

**КЛИМ СМЕКАЛКИН
ВЕРНУЛСЯ В ЧАСТЬ**

Текст М. Максимова, рис. Е. Евгана

Друзья старинные для всех –
Василий Теркин и Сноровкин.
Для многих перенять не грех
Их сметку, хитрость и уловки.
Сегодня ж в боевой наш строй,
Вниманья общего достоин,
Вступил еще один герой:
Смекалкин Клим – бывалый воин.
В боях Смекалкин с первых дней,
И многие узнали гады,
Как Клим коричневых зверей
Бьет без осечки, без пощады.

Он бьет их, мщением горя,
И есть один закон у Клина:
Ни одного патрона зря,
И ни единой пули мимо.
Он мастер грозного штыка,
Для Клина лучший друг – граната.
У Клина – верная рука
И сметка русского солдата.
В боях с врагами иногда
Случалось и ему не сладко,
Но выручали, как всегда,
Отвага, дерзость и ухватка.

А там, где сила не берет,
Наш Клим, пошевелив мозгами,
Прикинет и всегда найдет,
Как лучше справиться с врагами.
Для нас дружить полезно с ним.
А он в рассказах не устанет...

Лихой боец Смекалкин Клим
Отныне нашим другом станет,

* * *

1. Спешит прибыть Смекалкин в часть.
Здесь поохотится он всласть.
«Удача будет здесь едва ли, –
Бойцы Смекалкину сказали. –
Плохое место для „охоты” –
Попрятались фашисты в дзоты».
Клим говорит: «Прямой расчет
Слегка пощупать этот дзот.
Здесь ПТР и автомат
Два дела сделают подряд».
2. Взяв ПТР и ППШа,
Клим осторожно, не спеша
Пробрался скрыто на опушку
И взял фашистский дзот на мушку.
3. Чиста Смекалкина работа –
Клубами валит дым из дзота.
Клим первой пулей дзот зажег,
И фрицы – прочь и наутек.
4. А Климу лишь того и надо,
На мушке фриц – и нету гада.
Без промаха Смекалкин бьет.
Второго та же участь ждет.
5. «Охоты» неплохой итог –
Смекалкин вражий дзот зажёт
И, завершив свою удачу,
Убил двух фрицев на придачу.

*(справка: ПТР – противотанковое ружьё; ППШ –
пулемёт-автомат системы Шпагина. – Ю.К.)*

Сохранившиеся фрагменты (их шесть) поэмы мы
поместили в Приложении.

Но книга уже была готова и вышел первый небольшо-
шой её тираж, как судьба сделала нам подарок, а именно

– знакомство с сотрудником петербургского народного музея «А музы не молчали...» – Вячеславом Леонидовичем Кокиным. С самим музеем и с его руководителем Ольгой Герасимовной Прутт мы с Еленой Михайловной давно были знакомы и общались до этого. Книжку свою мы, конечно, в музей отослали. И вдруг выяснилось, что в музее есть человек, занимающийся фронтовой сатирой. Конечно, он знал про героя Максимова Клим Смакалкина, но самих юморесок найти ему не удавалось – и вдруг наши публикации в книге! Естественно, что поиск материалов по фронтовой сатире – это прежде всего поиски фронтовых газет, а их, как мы писали выше, сохранилось после войны крайне мало. Вячеслав Леонидович сумел найти и собрать несколько десятков их и потом передал в нашу Российскую национальную библиотеку. Но газеты «В решающий бой», где были публикации Максимова, он не имел. Начались новые поиски. И вот удалось разыскать в Москве несколько газет «В решающий бой» со страничками фронтового юмора, где были и новые эпизоды про Клим Смакалкина. Все это Вячеслав Леонидович передал нам, за что ему огромное спасибо. Эти материалы теперь вошли в книгу.

Просты и намеренно незамысловаты фронтовые частушки, сочиняемые Максимовым.

Пусть кругом грохочут пушки
И земля горит огнем.
Новогодние частушки
И в окопе мы споем.

Гитлер в город Сталинград
Собирался на парад,
Получил коленом в зад –
Вот-те, фюрер, и парад!

Остры стихотворные карикатуры на деятелей рейха:

Он лжи и мастер, и отец,
Но верят Геббельсу все туже,
Хоть колченогий шут и лжец
Лихой фото-пушкарь, к тому же.

Его военное не сложно ремесло,
В его оружии искать не надо мушку.
Он просто истине назло
берёт, как говорят, «на пушку».

Вот образец прозаических юморесок Михаила Максимова:

ИЗ НЕМЕЦКИХ РАДИОСВОДОК

«Наш гренадер Фриц Тупиц увидел, как русские солдаты переправляются через Днепр на большой железной барже. Не имея при себе никакого оружия, кроме арийского медного лба, Фриц Тупиц быстро нырнул под баржу и пробил лбом её дно.

За отвагу и находчивость славный гренадер награжден орденом “Дубовые листья”».

Отозвалась на фронтовой юмористической страничке, как ни странно, и тема «Синего платочка» – ещё одно свидетельство уже тогдашней популярности песни: карикатура на немецкого солдата, выкинувшего белый флаг, названа «Беленький скромный платочек...» Аналогия была, разумеется, была понятна всем.

Михаил Александрович был настоящим асом фронтового юмора.

Рис. худ. В. БОИМОВА.

Беленький скромный платочек...

С юмором у Михаила Александровича и всегда было всё в порядке.

Забавно читать его мимолетные блокнотные записи, которые, правда, порой приходилось долго разбирать из-за почерка (скоропись с сокращениями).

Поэт –
Нашёл сюжет.
И на сюжет
Создал сонет.
Редактор молвил:
«Мило...
Но это всё, голубчик, было!..»

Каково?
Во!

Эпиграмма на коллегу по имени Афоня, представленного к какой-то премии:

Мы, так сказать, на фоне
Товарища Афони.

А вот придуманные забавные фамилии:
Бухгалтер Затратный; композитор Уныньев.

Или такое:

Музыкальный бабуин скачет по клавишам:
Оптимистическая рапсодия.

– Ваня, пиши непонятнее – скорее поймут.

– Широко шагаешь – штанов не разорви!

Когда наш спутник облетел Луну, Михаил Александрович откликнулся на это событие такой странной эпиграммой:

Жить стало легче –
Мы узнали
Луну с обратной стороны!
Чего не весел, генацвали?
Ликуйте, Родины сыны!

Или вот ряд эпиграмм на знакомых и незнакомых:

ПОЭТУ ЗЕТУ *[имеется в виду знак «z». – Ю.К.]*

Он автор позабытых книг
И многочисленных интриг.

ПИСАТЕЛЮ ЯКОВУ БАЛЬЗАКОВУ *[очевидно, условное имя. – Ю.К.]*

Писатель Яшенька Бальзаков
Большой знаток варёных раков...
Он сам не пишет, не творит,
Он раков мастерски варит,
На всё и всех взирая дружелюбно.

Жаль, что подобный ротозей
Имеет среди нас друзей.

Михаил Александрович если и писал «с лёту», то вынужденно, если нужно было срочно дать материал во фронтовой номер. Обычно же он очень много работал над своими произведениями, это видно по его черновикам (один из них мы помещаем в Приложении). Многие стихи, басни имели по несколько вариантов. Иногда он долго подбирал, выписывал нужное слово.

Он старается быть в курсе литературных новостей. Вот как он сам об этом пишет:

«За всем, что происходит в литературе, я слежу внимательно. Особенно следил я за писательскими съездами. Особенно обрадовал меня доклад мандатной комиссии, из которого я узнал, что в Сочи 6000 писателей.

Братцы!..

Выбор жанра.

Завидую поэтам:

“Былинные целинные” (или целинные былинные).

А песни...

Роман тоже неплох:

“День начался необычно. В семь утра позвонил Иван Петрович (обычно он звонит в семь-пятнадцать) и сказал, что на улице солнце, и плащ можно не надевать. Я глянул в окно: действительно сияло солнце. На душе стало беспричинно радостно, захотелось спеть что-нибудь такое-этакое...” – и т.д.

Пробьёмся!»

Особенно внимательно следил Михаил Александрович за современной поэзией и очень часто откликался на появляющиеся новинки в своих блокнотных записках. Его отклики выявляют не только тонкого ценителя, но человека, в поэтическом творчестве ценящего человечность и то, «когда душа говорит». В 1962-м вышла из печати поэма Андрея Вознесенского «Треугольная груша», произведшая фурор среди тогдашней жаждущей новаций молодежи. В поэме задиристый поэт описывает в стихах свои впечатления от посещения «алюминиевой, ошетилившейся небоскребами» Америки, клянет ее бездушную цивилизацию, джаз и стриптиз, небоскребы и холод аэропортов...

Михаил Александрович откликнулся на поэму эпиграммой в своем блокноте:

Было так: слетал поэт в Америку
И, не заглянув в людские души,
Учинил конкретную истерику
От абстрактно-треугольной груши...

Трогательны его миниатюры для детей.

Из цикла

ЗВЕРУШКИНЫ ЗАБАВЫ

Для веселых медвежат
Мишка сделал самокат.
Потому что медвежатам
В цирк билетов не дают,
Потому что самокаты
Им нигде не продают.

Козел с предлинной бородой
Удил над быстрою водой,
А щука хитрая со зла
Царап за бороду козла.

За что попало Мишке?
Плутишка-озорник
Забыл надеть штанишки –
Ведь к ним он не привык.

Странно всё же, что не было у него своих поэтических книг и что он почти не печатался вообще, оставаясь в глазах многих «поэтом одного стихотворения»...

Однако читая стихи Максимова, его заметки о поэзии, его рассуждения о ней, мы с Еленой Михайловной ловили себя на мысли – а ведь этот человек, наверное, считал себя вовсе не кулинаром, инженером-технологом, специалистом в области общественного питания. Так и кажется, всю жизнь он хотел быть поэтом, к этому стремился и этим жил. Это давало ему силы и, как кастаньский ключ, питало его дух и его интеллект. Пусть он не стремился печататься, был патологически скромн. Но не поэзия ли, не это ли было главным в его жизни, скрываемое и не скрываемое? Для него, кто с самых молодых лет

посвятил себя делу общественного питания и до конца дней не изменял ему... Кем всё же он себя чувствовал, сидя в кабинете директора ресторана, директора треста столовых, директора пищекомбината? Или когда выслушивал ответы студентов на занятиях в институте и на курсах? Почему не хотел печататься?.. Мне думается, стихи были для Максимова не увлечением, не страстью. Это было состояние души. Многие писали стихи до самых пожилых лет, хотя вовсе не стремились в поэты. Писал всю жизнь стихи историк В. О. Ключевский, писал стихи отец советской онкологии Н. Н. Петров...

Есть у Михаила Александровича шутовское двустишие, уже позднего времени:

Стих я. И не пишу стихи я.
Хотя стихи – моя стихия.

В последней строчке этой шутки – знаменательное признание.

А вот запись в блокноте от 1956 года:

«Писать! Работать, много хорошо работать пером, мыслью, душой...»

20.

Елена Михайловна в последний раз видела папу в 1991 году, когда приезжала в Петербург (Михаил Александрович умер в сентябре 1992-го). Её второй приезд, состоявшийся в мае 2012 года, я описал выше.

В этот раз Елена Михайловна посетила могилу папы на Ново-Волковском кладбище. Вот даты его жизни:

21 ноября (4 декабря) 1907 –
26 сентября 1992.

Но я ещё не рассказал про интересный эпизод её пребывания в Москве. Тут у Елены Михайловны состоялась встреча с человеком, которого она раньше не знала, но с которым давно хотела познакомиться, потому что он

имел отношение к истории песни «Синий платочек». А был это Игорь Владимирович Кемпер, сын Клавдии Ивановны Шульженко. Елена Михайловна знала, что Шульженко была родом из Харькова, что в Харькове существует музей её имени. До отъезда в Москву она написала в Харьков директору музея, Елене Гроссу, и та прислала Елене Михайловне московский телефон Игоря Кемпера. Прибыв в Москву, Елена Михайловна тут же позвонила Кемперу и договорилась о встрече. Эту встречу организовала уже знакомая нам сотрудница студии «Александра Васина-Макарова» – Елена Владимировна Васильева. И вот перед нами фото, сделанное ею – дети двух легендарных людей – Елена Михайловна Петрова-Максимова и Игорь Владимирович Кемпер-Шульженко. Оба – с портретами своих родителей. Виртуальная встреча известной артистки и скромного «лейтенанта» Максимова, двух авторов немеркнувшего символа Великой Отечественной. На одной из фотографий, рядом с Кемпером и Еленой Михайловной запечатлена и Елена Владимировна Васильева.

Позже, узнав от Елены Михайловны, что у дочери Евгения Евгана в Москве хранятся фотографии Максимова, Елена Владимировна созвонилась с ней и пересняла хранящиеся у неё документы. Эти снимки теперь у нас, мы их воспроизводим.

Игорь Кемпер носит фамилию отца – Владимира Кемпера, который сегодня любителям эстрады известен как Владимир Коралли, певец-куплетист, эстрадный артист, организатор и руководитель популярного (особенно в годы войны) джаз-ансамбля, в котором его жена Клавдия Шульженко была солисткой и соруководителем (в 1941-45 – «Фронтowej ансамбль Ленинградского военного округа»). Ансамбль бесчисленное число раз выступал в блокадном Ленинграде и на передовой, колесил с концертами по разным фронтам, давая концерты в лесу, в госпиталях, на грузовиках... Маленького Игоря Кемпера родители долго возили с собой, не хотели отправлять в эвакуацию – из-за боязни, что у них будет потеряна связь с сыном. Только в 1943-м решились все же отправить

мальчика в Москву, ибо у него уже начиналась дистрофия: взрослые выдерживали фронтową жизнь, а дети нет.

Профессия у Игоря Владимировича совсем не артистическая – он инженер. Сейчас на пенсии.

В Петербург в последние годы несколько раз приезжала дочка Елены Михайловны и внука Михаила Максимов – пианистка Анна Петрова-Форстер. Осенью 2015 года у Ани состоялся в Петербурге концерт, посвящённый 250-летию немецкого композитора XVIII века Даниэля Штейбеля. Это происходило в концертном зале Российской национальной библиотеки. Я немного помогал в организации концерта. Публики собралось много. Были в зале и наши новые знакомые, товарищи по поискам сведений о лейтенанте Максимове. Этот концерт внуки легендарного человека кажется мне сейчас неким концертом-гимном в память о нём.

У Михаила Александровича есть ещё внук, сын Елены Михайловны, тоже Михаил. Михаил Бозгунов. Он живёт в Болгарии. Внуки унаследовали музыкальные способности деда – Михаил закончил Софийскую консерваторию как скрипач. Правда, позже он сменил профессию – работал несколько лет вэб-дизайнером, а потом стал редактором в онлайн издании *Smashing Magazine*.

А несколько лет назад у Михаила родилась дочка Симона – правнучка Михаила Александровича Максимова.

* * *

Собственно, вот то немного – хотя уже совсем не «немного», – что удалось нам с Еленой Михайловной собрать об её отце, известном всем «лейтенанте Максимове», о котором на самом деле неизвестно было ничего. Надеемся, эта книга не даст кануть в лету имени замечательного человека, который, сам того не подозревая, вписал замечательную, трогательную страницу в историю Великой Отечественной войны – и навсегда остался в этой истории.

Встреча поколений. Дети легендарных людей
с портретами своих родителей:
Игорь Владимирович Кемпер, сын Клавдии Шульженко,
Елена Михайловна Петрова, дочь Михаила Максимова.
2015 год. Москва

Под конец повествования хочется поблагодарить всех, кто предоставил сохранившиеся у них материалы о Михаиле Александровиче Максимове, кто помог нам в поисках этих материалов, помог в пересылке их нам, способствовал контактам с людьми, которые общались с этим замечательным человеком, кто помог нам в работе над книгой советом или делом:

Анна Петрова-Форстер (дочь Елены Михайловны),
Михаил Бозгунов (сын Елены Михайловны),
Зинаида Игнатъевна Мартынова
(племянница Михаила Максимова),
Геннадий Сергеевич
(пасынок Михаила Максимова),
Михаил Юрьевич Смыслов,
Маргарита Николаевна Куткина,
Юлия Зораховна Кантор,
Наталья Анатольевна Сидорова,
Ирина Евгеньевна Евган,
Татьяна Александровна Кудрявцева,
Елена Владимировна Васильева,
Игорь Владимирович Кемпер,
Галина Игнатовна,
Вячеслав Леонидович Кокин,
Юрий Владимирович Бирюков,
Дарина Трофимчук,
Галина Фёдоровна Груздева.